

Тевтонский крест

Руслан Мельников

Пески Палестины

«Автор»

Мельников Р. В.

Пески Палестины / Р. В. Мельников — «Автор», — (Тевтонский крест)

Нелегко дался омовцу-воеводе Василию Бурцеву морской путь к Святым Землям. Немецкие «мессершмитты» и средиземноморские пираты, подводная лодка цайткоманды и взывающая о помощи королева Кипра... Но вот он, наконец, порт Яффы, вот она, Палестина. А здесь – партизанская война, объединившая сарацин, тамплиеров и госпитальеров. Против кого? Против фашистско-тевтонского ордена Хранителей Гроба, разумеется. А значит, трофейный пулемет – на верблюжий горб, гранату – в прашу, греческий огонь – в противотанковый кувшин, стрелу – в арабскую пушчонку-модфаа. И вперед! Вместе с мамлюками Бейбарса и иерусалимскими подпольщиками освобождать Святой Город. Именно освобождать, ибо оккупированный Иерусалим производит гнетущее впечатление. Виселицы под воротами, свастика над воротами, патрули, облавы и комендантский час за воротами... И где-то там – плененная княжна Аделаида. И атомная мина. И путь к центральному хронобункеру СС. Книга публикуется в новой, авторской редакции.

© Мельников Р. В.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	11
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	22
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Глава 12	36
Глава 13	38
Глава 14	40
Глава 15	42
Глава 16	44
Глава 17	46
Глава 18	48
Глава 19	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Руслан Мельников

Книга пятая. Пески Палестины

(обновленная авторская редакция)

Пролог

Кап-кап-кап...

Рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер задумчиво взирал на упрямую пленницу. Из-за массивного стола взирал. Из-под очков в круглой оправе. Из-под козырька высокой фуражки с нацистским орлом и черепом “Мертвой головы”.

На полированной идеально чистой – ни царапинки, ни пылинки – столешнице лежала пухлая папка. Столешница – черная. Папка – белая. Со свастикой в центре. Рядом – настольная лампа. Лампа светила в каменную нишу напротив.

Ниша предназначалась для допросов. Не простых – с пристрастием. И ниша не пустовала. Внутри полустояла-полувисела обнаженная молодая полячка. Распятая, растянутая цепями. Наручники и ножные кандалы крепко держали панночку.

Девушка не шевелилась. Девушка молчала, демонстративно игнорируя вопросы рейхсфюрера. Именно игнорировала – немецкий пленница знала неплохо. По крайней мере, старонемецкий. Она просто не желала отвечать.

Кап-кап-кап...

Низкий арочный свод нависал над прелестной русой головкой. Низкий свод давил... Но она была горда, эта полячка. Горда и все еще не сломлена. Пленница, правда, уже не ругалась, как прежде, однако взгляд злых зеленых глаз так и жег из-под длинных распущенных волос, спадавших на лицо и обнаженную грудь. Между упругих холмиков с розовыми сосками в свете лампы поблескивал маленький серебряный крестик. Забыли снять... А под левой грудью багрел давний шрамик.

Рейхсфюрер вздохнул. Собственно, с тех пор, как девчонку вывели из транса, ее никто и пальцем не тронул. Панночку просто раздели, просто приковали к стене и просто оставили на полчаса в неизвестности. В одиночестве. В крошечной тьме. Оставили слушать непрекращающуюся сводящую с ума капель. Обычно этого “просто” хватало, чтобы разговорить человека. В этот раз не хватило.

Кап-кап-кап... Капель была искусственной: в центральном хронобункере СС само по себе ничего не текло и не капало.

Звук падающих в звенящую тишину капель начал раздражать Генриха Гиммлера. Рейхсфюрер сунул руку под стол. Там справа, под кнопкой вызова охраны, выступает податливый кран...

Капнуло еще раз. И два. И третья капля, помедлив немного, – ка-а-ап... – сорвалась с потолка в лужицу на бетонном полу. Булькнул в углу водосток, куда смывали кровь из пыточной ниши. Лужа ушла в открытый слив.

Теперь тишина была другой. Глухой, ватной, тяжелой. Словно навалившаяся на уши мохнатая медвежья туша.

* * *

– Значит, по-прежнему не хотите со мной разговаривать, пани?
Молчание. Сопение...

Он поморщился. Потом улыбнулся. Вот ведь дура! Упрямая польская ду-ра! Что ж, его вынуждают перейти к более действенным методам дознания. И более болезненным. Рейхсфюрер находил в этом особое удовлетворение, но всегда старался оставить пытки напоследок. Даже избегал их, если представлялась такая возможность. Не из жалости к жертве, не из сопливого гуманизма, нет – чтобы не пресытиться. Слишком много приходилось пытаться. И он уже начал охладевать к чужим страданиям. А если вкус жизни не пробуждается даже при виде изощренных экзекуций, как тогда жить дальше?

Ладно, сегодня он себе ни в чем не откажет. И не уйдет из этого каменного мешка, не порадовав себя воплями упрямой панночки. Воплями и признаниями, разумеется. Ведь не ради праздного развлечения он станет измываться над полячкой, а исключительно ради блага великой Германии. И девка ему выложит все. Должна выложить...

Гиммлер поднялся, скрипнув новенькой формой и начищенными до зеркального блеска сапогами. Вышел из-за стола. Приблизился к пыточной нише. Пленница была перед ним, как на витрине. Как на помосте. Как на эшафоте. Здесь ее так удобно рассматривать...

Да, эта обнаженная полячка прелестна, но женские прелести почти не интересовали Генриха Гиммлера. По крайней мере, когда речь шла о делах Рейха. А в последние годы только об этом речь и шла.

Рейхсфюрер протянул руку в белой перчатке, откинул волосы с лица и груди узницы. Тронул шрамик под левым соском. Скоро, очень скоро у строптивой упрямки появится много таких шрамов. Нет, не таких – гораздо страшнее. Жаль портить красоту, но что поделаешь...

– Ты у меня заговоришь, – оскалился он ей в лицо.

Она ему в лицо плюнула. Попала... Не будь очков, угодила б в глаза.

Рейхсфюрер хлестко, наотмашь, ударил мерзавку по щеке.

Голова пленницы мотнулась. Вправо. Влево. Безвольно повисла. Из уголка рта потекло красное. Щека полячки горела. Ладонь Генриха Гиммлера – тоже. Рейхсфюрер утерся. Протер очки. Вот ведь стерва! Сучка!

Он взял полячку за подбородок, приподнял смазливую мордашку... Похоже, укрощать строптивницу придется долго. Закатившиеся, было, глаза ожили. И вновь смотрели с ненавистью.

– Заговоришь, – пообещал он не то ей, не то себе.

Еще один плевок. На этот раз куда смачнее – с кровью. Прямо на галстук, на воротник. Новый мундир! Надо было переодеться перед допросом. Гиммлер размахнулся. Второй удар. С другой руки. Короткий, резкий, сильный. Голова полячки снова дернулась. Влево, вправо...

Рейхсфюрер зажал пленнице рот – вот теперь пусть плюется, сколько влезет! Навалился, зашипел в ухо:

– Заговоришь, дрянь!

Даже через плотную ткань формы он ощущал упругость ее груди. Надо же – эта молодая грудь взволновала и взбудоражила. Наверное, все дело в том, что девчонка сопротивляется. А сопротивление обреченных всегда горячит кровь. Такое приятное, почти забытое чувство... Рейхсфюрер СС хмыкнул: давно ему так не сопротивлялись. Значит, развлечемся, разогреемся для начала.

Не вышло. Полячка, изловчившись, поймала остренькими крепенькими зубками ладонь в белой перчатке.

Генрих Гиммлер вскрикнул. Отдернул руку. Отскочил обратно к столу. Мать твою, как говорят русские! Кто кого тут пытается?! Ох, и дорого же заплатит польская тварь за свою выходку. Сломить пленницу, покорить ее становилось отныне делом чести.

* * *

Когда сзади скрежетнула дверь, рейхсфюрер не счел нужным оборачиваться. Рывкнул через плечо:

– Пшел вон!

Доктора с пыточным инструментом он пока не вызывал, а все остальное может подождать. Теперь пусть подождет даже цайт-тоннель.

Гиммлер не отводил глаз от покрасневшегося лица полячки. И от лица и от всего остального тоже. Хороша! До чего ж хороша, стервочка! А девчонка жадно хватала ртом воздух и хлопала глазищами. И хрипло дышала. Обнаженная грудь ходила ходуном. Генрих Гиммлер любовался. Генрих Гиммлер чувствовал, как нарастает возбуждение. А дверь за спиной все не закрывалось.

Что за неслыханная наглость?!

– Я же просил меня не беспокоить! – прозвенел металлом голос рейхсфюрера.

В ответ тоже звякнули металлом. И еще. И еще ближе. Гиммлер крутанулся на каблуках. И подавился собственным криком. К нему приближался рослый широкоплечий человек в... О майн готт! В боевых доспехах! В средневековых доспехах!

Глухой ведрообразный шлем-топхельм закрывал лицо. На шлеме – сбоку, справа, – вмятина. Длинная такая и глубокая борозда. След меча, арбалетного болта или срикошетившей пули. Под топхельмом шумно дышали. На рыцарской перевязи болтались пустые ножны. Шпоры царапали пол. Звенела посеченная кольчуга. Белую накидку-котту – измазанную, изорванную, изрубленную украшал черный крест. Такой же крест – на грязном плаще. Слева, у плеча, сочащегося кровью.

“Тевтонский! – отстраненно подумал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. – Крест тевтонского ордена Святой Марии”.

Рука Гиммлера в прокушенной белой перчатке метнулась к кобуре. Не успела – перехватили цепкие пальцы в перчатке железной – в тяжелой латной рукавице. Левую руку тоже словно сжали стальные клещи.

Целую секунду они молча топтались на месте в танце ненависти, секунду смотрели друг на друга. Один – из-под козырька фуражки. Другой – из амбразуры рыцарского шлема.

Сквозь смотровую щель топхельма бывший омоновец Василий Бурцев видел двоих. Сзади, в каменной нише, – повисшую на цепях дочь Лешко Белого, гордую малопольскую княжну Агделайду Краковскую. Свою жену. Нагую, с разбитым лицом.

И прямо перед собой – рейхсфюрера СС. Круглая физиономия. Маленькие ухоженные усики. Свастика на рукаве. Тотенкопф¹ и орел Третьего Рейха на фуражке. Аккуратненький, но забрызганный бурыми пятнами галстучек. Чистоплюйские белые перчатки в кровавых разводах. Начищенные сапоги. Широленные галифе. Очки мирного интеллигента, никак не вязавшиеся с эсэсовской формой.

– Генрих Фон Хохенлох? – выдохнул рейхсфюрер с надеждой. – Магистр? Это вы?

Бурцев не ответил. Ударил. Головой. Целя в переносицу. Боевой средневековый шлем попрочнее фуражки и очков будет. И чистого веса в нем —четыре – пять кагэ.

Козырек под фашистской кокардой треснул. Фуражка слетела с головы. Брызнули, посыпались стекла очков. Хрустнул носовой хрящ. Из растянутой кобуры выпал пистолет. А сам рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер рухнул на стол. На лампу. На папку со свастикой и секретными бумагами. Сполз на пол, опрокидывая стул.

¹ Прим: эсэсовская эмблема “Мертвая голова” – череп со скрещенными берцовыми костями

Пелена боли застилала глаза. Кровь из сломанного носа бурлила в глотке, мешала дышать, а он шарил вслепую под столом. Рука достала. Что-то поддалось, сдвинулось под пальцами. Не то! Кран! А ему нужна была...

Вот она! Кнопка вызова охраны! Рейхсфюрер вдавил ее до упора. И только теперь понял, что бесполезно, что никто ему уже не поможет. Раз этот тевтонский рыцарь вошел в камеру допросов, значит, охрана мертва.

Звонок, коротко дзинькнувший в пустынном коридоре за открытой дверью, не избавил от кошмара, не призвал автоматчиков, дежуривших у входа. Рейхсфюрера оторвали от кнопки и приподняли за шкирку. Как котенка! Удар латной рукавицы был страшнее тычка шлемом. Лязгнули и посыпались зубы. Взорвалась невыносимой болью сломанная челюсть.

Как его поднимали во второй раз, Генрих Гиммлер не чувствовал. Сознание прояснилось лишь на мгновение. Чтобы выпепить из кровавого марева каменную кладку, несущуюся навстречу. Потом стена ударила. А больше не было ничего.

Брошенный головой о камни рейхсфюрер СС лежал лицом вниз. Кровь ленивой струйкой стекала в открытый слив.

Кап-кап-кап – снова бились о бетон редкие капли.

Глава 1

– Ох, и везет же нам, Василий! Давно я не плавал в таких спокойных водах.

Бурцев стоял за штурвалом. Джеймс Банд расхаживал по рубке с видом заправского морского волка. Папский шпион-брави, стойкий китаец Сыма Цзян, да еще, как ни странно, рыже-волосая Ядвига – супруга добжиньского рыцаря пана Освальда – раньше других привыкли к безумной, по меркам этих времен, скорости и несмолкающему гулу двигателей под ногами. Остальные пока побаивались трофейной немецкой “ладьи” и передвигаясь по “раумботу” с предельной осторожностью.

– Да, повезло, – сдержанно ответил Бурцев.

Он тоже был рад, но боялся отпугнуть удачу.

– Во-о-он там слева, видишь, берег? – не унимался брави.

Бурцев вгляделся. Ничего, кроме неясной серой дымки на горизонте... Может, в самом деле, берег, а может – и нет.

– Это Крит, Василий! Мы уже огибаем Крит. Адриатику прошли, Ионическое море – тоже. Считай, две трети пути позади!

– Ну, и славно!

Бурцев снова смотрел вперед. Садиться на мели или налетать на скалы не хотелось. Но Джеймс, действительно, порадовал. Жаль вот только, радость та длилась недолго.

Минут через пять в рубку вбежала Ядвига – перепуганная, взволнованная донельзя.

– Птицы!

Полячка тоже указывала куда-то в сторону Крита.

Птицы? Ну и подумаешь! С чего такой переполох-то? Мало, что ли, чаек вокруг носится? Бурцев еще раз скользнул взглядом по далекому, сокрытому туманным маревом берегу. И по небу над ним. Глаз зацепился за две крупные точки в безоблачной синеве. Темные точки быстро приближались. И... и это были не птицы.

Отдаленный гул “Мессершмиттов” они не слышали из-за гудения собственных двигателей. Вот и проворонили противника. Почти проворонили... Стоп машина! Бурцев отключил дизель. Все равно от самолетов не удрать.

На корму, к пулемету!

Бурцев выскочил на палубу. Катер еще двигался по инерции, чуть покачиваясь на слабой волне. Скоро совсем остановится. А по неподвижной цели так удобно бить с воздуха!

Старые знакомцы “Ме-109” уже заходили в атаку. Первый, второй... Ведущий, ведомый... Значит, летчики знают о венецианских событиях? И о “полковнике Исаеве” знают? И о дерзком захвате атомного “раумбота”? А почему бы и нет? Отчего бы, собственно, и не знать-то? В тринадцатом столетии теперь имеется радио. У цайткоманды СС – имеется. И не менее надежная связь между магическими платц-башнями – тоже.

– Вон с палубы! – рявкнул Бурцев. – Все!

Верная дружина с мечами и луками сейчас не помощница.

Правда, оставалась еще слабенькая надежда... На собственную исключительность: до сих пор ведь немцы пытались взять “полковника Исаева” живым. И на важность спецгруза надежда: как-никак, а в трюме угнанного “раумбота” покоится секретное чудо-оружие Третьего Рейха... Не станут же эсесовцы топить свою драгоценную “кляйне атоммине”. Или... Или все же станут?

А “Мессершмиты” уже совсем близко. Пикируют. Берут на понты? Будут бить на поражение? Бурцев готовился к худшему. Бурцев готовил кормовое орудие к бою.

Двадцатимиллиметровые крыльевые пушки ведущего “Мессера” ударили по воде. На морской глади взметнулись и побежали к катеру фонтанчики брызг. Пересекли “раумбот”

двумя смертоносными росчерками. Грохот, лязг металла за спиной. Испуганные крики... Немецкий ас, отстрелявшись, ловко вывернул в сторону. Ушел безнаказанным.

Бурцев выматерился. Их все же топили! Здорово задело носовую часть, и по всему выходило: в пленных фашики не нуждались. Или так припекло, что не до пленных теперь?

Ну конечно! Все ведь просто, как дважды два: сами по себе, отдельно друг от друга, и “полковник Исаев”, и “атоммине” представляют для немцев ценность. Но вместе – только угрозу. Фрицы понятия не имеют, что намерен делать непредсказуемый “полковник” со своей ядерной добычей. Потому и стараются его остановить. Любой ценой.

С моторамы под двигателем ведомого “Мессера” застрочили пулеметы. Прочертили воздух трассирующими пунктирами. И еще две дорожки смерти побежали по воде к “раумботу”. Дзинь-дзинь-дзинь... Несколько пуль вошло в правый борт. Тоже – у самого носа. Летчики работали аккуратно: избегали бить в середину, в трюм, в “атоммине”. Боялись? Вполне возможно. Кому охота пикировать на цель, которая в любой момент может обратиться в ядерный гриб?

Снова – крики за спиной. И стремительная тень над катером. И крылья. И кресты на крыльях.

В этот раз Бурцев врага не упустил.

Развернуть оружие. Поймать в прицел хвост уходящего самолета. Ударить ответной – длинной, но расчетливой очередью. Огрызнуться, отстрельнуться, не жалея патронов.

Ствол зенитного “MG. C/38” ходит ходуном, ствол изрыгает пламя. Ходил, изрыгал, пока... Щелк, звяк... Минус один магазин и... Есть!

За “Мессершмиттом” потянулась полоска дыма. Тонюсенькая поначалу, почти незаметная. Но чем дальше удалялась подстреленная машина, тем отчетливее пятнала небо черным клубящимся следом. Зловещий шлейф ширился, расплзался. Яркие пляшущие язычки обьяли самолет. Вспышка... От пылающей “кометы” отделилось белое пятно. Парашют?

Пятно тоже пыхнуло, задымилось.

Горящий парашют! Лизнуло-таки жадное пламя вываливающегося из кабины пилота, окропило огненными брызгами уложенный в ранец прочный легкий шелк, подпалило...

Спасительная опора о воздух была потеряна. Парашютист на прожженном, дырявом, бесполезной тряпкой полощущемся по ветру куполе падал камнем. И не остановить, не притормозить уже то смертельное падение. А с такой высоты, да с такой скоростью... В общем, что об землю, что об воду – без разницы. Верная смерть, в общем. Не повезло сегодня немцу.

Ведущий “Мессер”, развернувшись, шел в повторную атаку. Надвигался с кормы. С воем заходил в пики. Все правильно: сначала нос, теперь корма. Остальное затонет само собой. Тихо, мирно, спокойно, без ядерных катаклизмов.

Бурцев уже перезарядил оружие. Уже навел на цель. Уже ругнулся по поводу дурацких деревянных щитов на пулемете, от которых в этом поединке пользы не больше, чем от листа ватмана. Точка в прицеле росла. Точка летела, падала на него. Молчаливая пока и страшная – жуть! Бурцев ждал. Чем раньше ударить, тем меньше вероятность попадания. И тем больше шансов без толку высадить весь магазин в белый свет как в копеечку. А удастся ли перезарядить оружие по новой – большой вопрос.

Точка перестала быть точкой. Превратилась в винт. В крылья. В пушки и пулеметы. Пушки и пулеметы смотрели Бурцеву в лицо.

Он вспомнил... Два года назад. Чудское озеро. Вороний камень. Стремительно приближающийся “Мессершмитт”. Бурцев прячется в коляске трофейного “Цундаппа” за живой баррикадой из тел и щитов. Выжидает, вцепившись в пулемет. Чтобы ударить внезапно, неожиданно. Тогда, в апреле 1242-го, его не было видно до последнего момента. Сейчас же немецкий ас видит все, как на ладони. И тщательно выцеливает противника.

Глава 2

Дрейфующий “раумбот” и ревущий “Мессер” будто готовились к самоубийственному тарану без единого выстрела. Но на самом деле друг другу противостояли не катер и самолет, не зенитка и скорострельные авиационные пушки, а два человека. На самом деле шла война нервов. Война, в которой нажать на гашетку следует в самый нужный момент – не раньше, но и не позже. А уж степень нужности этого критического момента каждый определяет по собственному усмотрению.

Противники были еще далеко друг от друга. Но самим им казалось иначе. Казалось, их отделяет лишь полутораметровый ствол кормового орудия «раумбота» и бешено вращающийся винт “Мессершмитта”. А что оставалось между дульным срезом и пропеллером – такая малость! То, что оставалось, почти не шло в расчет. Одно мгновение почти не шло, второе почти не шло, третье...

Они нажали одновременно.

Бурцев, ревя ненамного тише “MG. C/38”, лупил по непрерывным всполохам, в которые обратился вдруг вражеский самолетик в кружочке прицельной рамки. Пилот цайткоманды СС поливал огнем пушек и пулеметов яркую пульсирующую точку на корме катера.

Воздух вокруг самолета наполнился свистящей смертью. Вода у кормы “раумбота” взбурлила.

Пули застучали по металлу. Бронебойные снаряды прошили палубу, ушли ниже, разворотили нутро машинного отделения, вспороли обшивку. По всей кормовой части судна немецкий штурмовик прочертил косые следы рваных пробоин.

Бурцев глох и орал. Орал и глох. И стрелял. Когда разлетелись в щепки навесные деревянные щиты – стрелял. Когда смерть ударила спереди – стрелял. И когда ударила сзади – тоже стрелял. И когда – справа. И слева когда...

Он тоже попал под выстрелы вражеской пушки. Но попал между ними. Лишь чудом его не задело. Чудом не задело орудие.

Здрав ствол, Бурцев сопровождал огнем черные кресты, пронесшиеся над головой.

Пулемет на подвижном лафете вел цель легко и послушно. И пулемет не подвел. С искореженной, изрешеченной, вставшей дыбом и раком палубы он достал-таки фрица.

В этот раз черного дымного следа не было. И белого парашюта – тоже. Был взрыв, были разлетевшиеся в стороны крылья и хвост.

И звонкий щелчок.

И минус еще один магазин.

Далеким-предалеким эхом отозвался второй взрыв: то о поверхность воды расшибся подстреленный ранее “Мессер”. Темная полоса на безоблачном небе указывала место падения. А одинокого парашютиста с ошметками горящего купола уже не видать...

Бурцев вытер пот со лба.

Неужели все прошло настолько быстро? Неужели один штурмовик он умудрился сбить, пока падал второй? А ведь казалось-то! Казалось, будто полжизни минуло в всполохе огней, грохоте выстрелов и собственном безумном оре.

В горле першило и саднило. Дышалось тяжело, вдыхалось помногу. А воздух – вонючий, вперемежку с пороховыми газами. Бурцев откашлялся, глянул на пробоины в палубе. Ноги почему-то отказывались держать – его повалило на пулемет.

– Тонем! Мы то-о-онем! – звонкий голос Ядвиги мигом вывел из ступора.

Ё-о-пс! Так вот что с ногами! Дырявая палуба кренилась. Изрешеченная корма погружалась в воду. Разбитый нос судна задирался вверх. Действительно, тонем! Катер ведь прошили

насквозь! А на борту – никаких спассредств! Они держались на плаву лишь благодаря низкой осадке разгруженного судна. Но это продлится недолго. Если ничего не предпринимать.

Бегом – в машинное отделение. Бурцев прыгнул вниз. Сразу ухнул в воду по пояс. Пока по пояс. Течь тут была всюду. Вода шумела, бурлила. Отсек наполнялся так быстро, что никакая помпа не поможет. А кругом – искореженное железо да разорванные трубы.

Люк! Люк герметичной перегородки! Задраить, замуровать намертво машинное отделение, пока еще можно успеть. Он задраил, замуровал. Успел...

На палубу его – промокшего, нахлебавшегося – вытащили Дмитрий и Збыслав. Рядом сидел на корточках Сыма Цзян. Китаец задумчиво ковырял пальцем пробойны – сравнивал следы от авиапушек “Мессера” со ствольным срезом трофейного “шмайсера”.

– Птица-дракона кидалась в наша корабля большая невидимая стрела, – глубокомысленно изрек старик.

Бурцев кивнул на кормовое орудие:

– В том вон самостреле стрелы такого же калиб... ну, размера такого же.

Китаец просветлел:

– Если это така, то моя думается, очень хорошо, что наша ни в чем не уступается ихняя.

Сухонький палец старика уткнулся в небо. Там, в безоблачной синеве, еще не рассеялся дымный след.

– Ни в чем, – согласился Бурцев.

И отвернулся.

Только вот улететь мы отсюда не сможем, друг Сема. Ни улететь, ни уплыть. Движок-то – вдребезги. Так что прощай, Святая Земля.

И Аделаидка – тоже прощай.

Глава 3

Скособоченным поплавром они дрейфовали куда-то в сторону от Крита. Да не куда-то – в открытое море дрейфовали. Долго. Нудно. Безнадежно.

Корма полностью ушла под воду. Игривые волны перекатывались через палубу, плескались у зенитного лафета. Вокруг расплывалось радужное маслянистое пятно. Первая экологическая катастрофа на Средиземноморье...

Разбитая, полузатопленная посуда едва-едва держалась на плаву. Чуть испортится погода, чуть усилится ветер, чуть повыше станет волна – и они гарантированно пойдут ко дну.

Спасение пришло в том обличье, в котором его тут ну никак не ждали.

Первой алые пятна на горизонте заметила все та же глазастая Ядвига. О, это было что-то! Поистине, нет для мореходов, терпящих бедствие, зрелища милее. Кричали и махали руками все. Как сумасшедшие. Как буйнопомешанные. Бурцев с трудом удержался от желания дать очередь-другую из зенитки. Но это, пожалуй, было бы лишним. Стрельба могла отпугнуть спасительные алые паруса.

Их тоже заметили, и к ним приближались. Можно было уже различить не только паруса цвета надежды, но и пузатый корабельный корпус. Здоровенный какой! А за первым судном, чуть поотстав, следовали второе и третье. Оба шли в кильватере, так что не сразу и заметишь.

Авангардный корабль – грузный, неповоротливый, скуластый, двухпалубный, с округлыми боками и двумя громадными рулевыми веслами был значительно крупнее двух других. Около тридцати метров в длину, семь-восемь в ширину. Бросалась в глаза массивная двухъярусная надстройка, уходящая уступами за корму. Две мачты-однодеревки – фок-мачта, установленная ближе к носу, и грот-мачта, возвышавшаяся в центре, – несли на составных, обмотанных канатами реях косые латинские паруса. Верхушки-топы венчали наблюдательные корзины. А от желто-золотистых флажков и вымпелов, буквально облепивших судно, рябило в глазах. И на каждой развевающейся тряпиче – одни и те же геральдические львы. Красные, коронованные, поднявшие на задние лапы...

Малые суда сопровождения выглядели попроще и поскромнее. Зато двигались шустрее, и, благодаря подвесному рулю на ахтерштевне и румпелю, пропущенному через корму, маневрировали лучше. Да и вид имели более грозный. На каждом – по одной мачте и по одному прямоугольному парусу. На носу и корме – боевые площадки в виде деревянных крепостных башенок. Меж зубцов – щиты. Над щитами – вооруженные люди.

Все три корабля жадно ловили парусами слабый попутный ветерок. Ветер толкал суда к “раумботу”.

– Похоже на торговое судно и конвой охраны, – заметил Бурцев. – Мы спасены!

Ответил Джеймс Банд. Сухо, без особой радости:– Да, тот, что идет впереди, действительно, грузовой неф. Судя по флагам и геральдическим знакам, корабль принадлежит Кипрскому Королевскому Дому². И два других, в самом деле, военные когги. Но только это не охрана. Ни на одном из них я не вижу гербов Кипра. На них вообще нет никаких опознавательных знаков. И это мне не нравится.

Брави хмурил брови.

– В чем дело, Джеймс? Выкладывай, – потребовал Бурцев.

– Когги прятались за королевским нефом, чтобы не спугнуть нас раньше времени.

– Ты хочешь сказать...

– Это пираты, Василий.

– Что?!

² Прим: Поднявшийся на задние лапы коронованный красный лев на золотом поле – герб Кипрского королевства

– Их полно в этих водах.

Так-с... К атомному “раумботу”-подранку начинают слетаться стервятники! Господа корсары жаждут порыться в трюмах судна цайткоманды СС. И как объяснить этим ребятам, что, окромя груза радиоактивного урана, им здесь ничего не светит?!

– Думаешь, нас хотят перебить, брави?

– Если сдадимся – нет, – криво усмехнулся Джеймс. – Рабы ценный товар.

Неф-прикрытие, разукрашенный королевской символикой, замедлил ход и неуклюже отвалил в сторону. Зловещие когти, наоборот, выдвигались вперед и брали жертву в клещи. Один заходил на бордаж с правого борта. Другой ложился в дрейф неподалеку. Этот поддержит атаку стрелами, если добыча вдруг вздумает сопротивляться.

А “добыча” сдаваться не собиралась. Джеймс уже держал в руках свой нож-кольтэлло. Гаврила поигрывал булавой. Освальд тянул из ножен меч. Нож, булава, меч... Нет, в данной ситуации лучше использовать другое оружие.

– Сыма Цзян, хватай!

Бурцев протянул китайцу трофейный “шмайсер”.

– Будешь стрелять, когда я скажу, понял?

– Моя все-все понимайся, – закивал старик.

– Гаврила, а ты не сочти за труд присмотри пока за этим.... Только осторожней. Как понадобится – отдашь.

Алексич без возражений навесил на плечо ремень фаустпатрона. Тяжелая гранатометная труба для богатыря была что соломинка. Единственную имевшуюся в их распоряжении кумулятивную гранату новгородец положил себе под ноги – так подать ее воеводе можно сразу, без заминки.

Сам Бурцев встал к кормовому орудью. Снял с борта мокрый набухший шит. Кое-как навесил на зенитку взамен разнесенного “мессеровскими” пушками. Немцы все-таки с этими щитами хорошо придумали. А то вон, когг поддержки так и норовит зайти с фланга. Если успеют дать залп... В общем, лишняя защита от стрел не помешает. Ни ему, ни тем, кто будет стоять рядом.

Он зарядил пулемет...

Вода мочила ноги, но до того ли сейчас? Бурцев навел двадцатимиллиметровку на когг, готовившийся к бордажу. Боеприпасов после отражения воздушной атаки оставалось – кот наплакал. Но чтоб отпугнуть от “раумбота” средневековых пиратов, пожалуй, хватит. Хотя...

Стоп! Он убрал руку с гашетки. А к чему отпугивать? Собственное-то спасение? Других кораблей они ведь могут и не дожидаться.

– Всем сложить оружие! – приказал Бурцев.

Пару секунд на него смотрели как на умалишенного.

– Что?! – первым взбунтовался Освальд. – Хочешь провести остаток дней гребцом на галере?

– Нет, Освальд, я просто хочу сменить корабль. Лоханка Хранителей вот-вот пойдет ко дну, а когг... Если бы нам удалось его захватить...

Дошло, наконец! Дружинники один за другим клали оружие на палубу. Не слишком далеко, правда, чтоб под рукой было. Правильно...

– Джеймс, ты, вроде, разбираешься в морском деле? – спросил Бурцев.

– Угу, – утвердительно кивнул папский шпион-убийца.

– Как думаешь, мы справимся с коггом?

Джеймс пожал плечами:

– Ну-у... Коггом управлять, конечно, проще, чем нефом. Если все правильно будут выполнять мои команды. Жаль, конечно, что вы не моряки...

Новгородцы восприняли последние слова как личное оскорбление.

– Да ты! Паршивый британец! Лазутчик латинянский! Не ходил ты в непогоду по Невозеру!³, – взъярился Гаврила. – По Варяжскому морю не плавал на наших ладьях!

– А когг твой хваленый – та же ладья, только побольше чуток! – скрежетнул зубами Дмитрий.

– А вот моя много-много плавалась в морская вода даже на легкая джонка-лодка, – не преминул вставить свое веское слово Сыма Цзян.

Джеймс примирительно поднял руки:

– Все-все-все! Ваша взяла. Вижу, что не потонем.

– Вацалав, а как ты вообще собираешься захватить корабль? – поинтересовался Бурангул. – Там же народу уйма!. На малых судах – десятка четыре, да на большом никак не меньше полусотни.

– У них нет невидимых стрел, Бурангулка. А у нас есть...

– И много их осталось тех стрел-то?

Да, татарский юзбаши знал, о чем спрашивать. Пара магазинов к зенитному пулемету, да “шмайсер” Сыма Цзяна, да фаустпатрон. Против трех пиратских кораблей.

– Нет, Не очень много. Но для этого боя хватит. Нужно только напугать пиратов посильнее. Дальше – дело за вами. За всеми нами. Хватаем оружие – и вперед. Успеем использовать страх врага – победим. Не успеем – погибнем.

Бурангул кивнул. Объяснение воеводы степняка устраивало. Остальных – тоже.

– И когда нам оружие хватать? – уточнил Освальд.

– Как только я открою огонь...

– Откроешь огонь? – изумился и встревожился Гаврила. – Какой огонь? Как ты откроешь?

– Когда начну пускать невидимые стрелы, – пояснил Бурцев. – А произойдет это не раньше, чем нас возьмут на абордаж. До тех пор никто не должен притрагиваться к оружию. Даже смотреть на него, ясно?

Теперь им было ясно все.

³ Прим: древнерусское название Ладogi

Глава 4

Угнанный из Венеции “раумбот” в открытое море вышел впервые, и с таким противником средиземноморским пиратам раньше иметь дела еще не приходилось. А потому разбойнички вели себя весьма самонадеянно. Лучники и арбалетчики не стреляли. Зато глумливые насмешки сыпались градом. На хреновой уйме языков: в пиратской команде собрался такой же интернационал, как и в дружине Бурцева.

О, пираты ржали от души! От немногочисленного экипажа странного полузатонувшего судна без парусов и весел, морские стервятники не ожидали ни сопротивления, ни подвоха. Какое сопротивление, какой подвох, если враг уже сложил оружие. Ну, а нелепую кормовую конструкцию, похожую на обрубок колодезного журавля с навесным щитом, нападавшие и вовсе не принимали в расчет.

Стрелки бестолково толпились на боевых площадках. Больше для виду толпились. Абordaжная команда – без щитов, с мечами, короткими копьями и длинными крюкастыми шестами – выстраивалась меж кормовой и носовой надстройками. Рулевой ворочал румпель, направляя высокобортный когт к задранному носу катера. Здесь перейти на терпящее бедствие судно было проще всего.

Пиратский парусник приблизился. Мелькнули в воздухе “кошки”. Струнами натянулись переброшенные веревки и канаты. Царапнули по металлу крючья на длинных древках. Лязгнул о нос катера абordaжный мостик. Тяжелый окованный клюв на конце узкого трапа засел в развороченной “Мессершмиттом” палубе. Теперь два судна находились в единой связке, и расцепить их будет не просто.

С воплями, молодецким гиканьем и посвистом пираты ломанулись на “раумбот”. Кто-то – по тесному мостику, а кто-то сигал через борт.

Первый, второй...

Тяжелые сапоги загрохотали по накренившейся палубе. Зазвучали удивленные возгласы, веселая брань, боевые кличи.

Третий, четвертый...

С носа катера пираты спускались на притопленную корму, где понуро ожидала своей участи сдавшаяся без боя команда. У двадцатимиллиметрового пулемета ожидала.

Пятый, шестой...

Стрелки покидали боевые площадки, тоже проталкивались к абordaжному мостику.

Седьмой, восьмой...

И девятый, и де...

Ну, хватит разбойничать, ребята. Пора и честь знать!

Рев, которым отозвался “MG. C/38” на тяжелую поступь абordaжной команды, был сродни иерихонским трубам. Неминуемое возмездие и неотвратимая гибель слышались морской братве в том реве.

Первую очередь Бурцев выпустил по увешанной щитами кормовой надстройке когга, откуда еще нависали глумливые лица стрелков. Короткую, но действенную очередь. Один щит упал. Лица исчезли...

Бурцев поворотил ствол. И сразу – вторая очередь. Такая же короткая. В носовую башенку пиратского судна. Потом протянул третью – подлиннее – вдоль правого борта. По верхнему краю. На уровне груди тех, кто лез к абordaжному мостику.

Летели, сыпались, падали щепки и люди. Пули насквозь прошивали и дерево, и человеческие тела. Ор стоял несусветный. На когге возникла паника. На катере – тоже. Уже перебравшиеся на “раумбот” пираты разделились. Трое, может, четверо в испуге юркнули за рубку. Остальные ломанулись обратно. Толпа, давка... Бурцев саданул еще раз.

Разбойники повалились, попрыгали в воду. Абордажный мостик мгновенно опустел. Кто-то вскинулся было над бортом когга с натянутым луком. Но пустить стрелу не успел. Бурцев уложил смельчака.

Двое пиратов судорожно рубили канаты, стянувшие судна. Еще один возился у перекидного трапа. Бурцев успокоил и эту троицу.

Магазин опустел. Нужно ставить другой – последний. Нужно перезаряжать пулемет. Что ж, сделаем паузу...

– Они ваши! – рявкнул Бурцев своей малость ошалевшей команде.

И словно на незримую кнопочку нажал. Дружина ожила, похватила оружие, ринулась в атаку.

– А-а-а! – вопил Дмитрий.

– У-у-у! – взбесившимся паровозом гудел Гаврила.

– Ура-а-а! – надрывался Бурангул.

– О-о-о! Э-э-э! Ы-ы-ы! – поляк Освальд, литвин Збыслав и прусс дядька Адам тоже демонстрировали силу легких.

– И-и-и! – злобно и обиженно визжали в унисон Ядвига и Сыма Цзян. Пан Освальд Добжиньский совсем не по-рыцарски впихнул свою даму в рубку катера – правильно, там сейчас безопаснее всего. Низкорослый же китаец, со “шмайсером” в руках, ярился оттого, что никак не мог протиснуться вперед. А достать противника “невидимыми стрелами” из-за спин дородных соратников у Семы не получалось.

Только Джеймс лез в драку молча, без лишнего шума. Сказывалась привычка тайного убийцы.

Щит, прикрывавший пулемет и пулеметчика, вдруг вздрогнул и треснул. Из пробитой доски высунулся тупорылый наконечник. То арбалетный болт целил в висок Бурцеву, но застрял в отяжелевшем, набухшем от воды дереве. И еще одна короткая толстая стрела ударила в щит. Еще один наконечник чутко не дотянулся до Бурцева.

Ага, в бой вступал второй пиратский когг! Лучники и арбалетчики целили в умолкшее кормовое орудие. Стрелы и болты мощных корабельных арбалетов шлепались в воду, звякали о металл, втыкались в щит... Но ведь и двадцатимиллиметровка уже заряжена по новой!

Корабль, взявший “раумбот” на абордаж, Бурцев все же щадил. Когг поддержки – нет. Это судно им было не нужно. Совсем.

Сначала он ударил по боевым башенкам-надстройкам на носу и корме. Затем кучно всадил длинную, щедрую очередь под ватерлинию. Выпустил все, до последнего патрона. Следовало занять пиратскую команду более важным делом, нежели пулеметно-арбалетная дуэль.

Обстрел катера прекратился. В воздухе больше не свистело, в воду не плюхалось. Утыканный стрелами щит не вздрагивал. Понятное дело. Двадцатимиллиметровые зенитные снаряды – это не шутка. А герметичных перегородок, повышающих живучесть судна, в тринадцатом веке строить еще не научились. Пиратский корабль тонул, а значит, – палундра! спасайся, кто может. Уже не до боя, значит. Будь ты хоть трижды отчаянный корсар.

Глава 5

А вот Сыма Цзяну так и не дали пострелять. В считанные секунды Освальд, Збыслав и дядька Адам сбросили в воду остатки немногочисленного, вяло сопротивлявшегося пиратского десанта. Дмитрий, Гаврила, Бурангул и Джеймс перебежали по узкому трапу на вражескую палубу.

На когге валялись трупы и несколько тяжелораненых. Остальная команда попрыгала за борт. Лишь полдюжины самых отчаянных головорезов сгрудились у мачты, прикрывшись легкими щитами, подняв мечи и копья. Эта шестерка была готова к последней битве. Но полноценной битвы не получилось. Бурангул помешал. Татарский юзбаши подхватил у абордажного мостика чей-то оброненный лук и колчан. Пустил стрелу навскидку. Пригвоздил одного из разбойников к мачте. Вторая и третья стрелы тоже не пролетели мимо цели.

Пассивная оборона была подобна смерти, причем смерти бессмысленной. И три уцелевших пирата с дикими воплями ринулись в бой. Хиленькая атака, впрочем, захлебнулась, не успев начаться. Один из горе-корсаров попал под секиру Дмитрия, другого смела за борт булава Гаврилы. Последний, целивший копьем в грудь Бурангула, вдруг споткнулся на ровном месте и грохнулся о палубные доски: чьи-то цепкие пальцы, поднявшиеся над решеткой трюмного люка, держали копейщика за ноги.

Прыжок Джеймса, точный добивающий удар смертоносного кольтэлло – и морской разбойник затих. Когда Сыма Цзян протолкался, наконец, вперед, для “шмайсера” дела уже не нашлось. А на барахтавшихся в воде беглецов мудрый китаец решил “невидимые стрелы” не тратить.

– Отчаливаем! – приказал Бурцев. – Быстро!

Помогли перебраться на когг Ядвиге. Отцепили абордажные крючья. Обрубили веревки и канаты. Сковырнуть поднимать абордажный мостик оказалось сложнее – его Гаврила попросту сбил булавой.

Оттолкнулись, отвалили от катера. А на притопленную корму «раумбота» уже вползали пираты. Спасались. Хотя сомнительное это было спасение... Так, небольшая отсрочка перед неизбежной гибелью.

Джеймс профессионально и хладнокровно добивал раненых. Самая та работенка для наемного убийцы. – Все правильно, Вацлав, – будто угадав мысли Бурцева, негромко произнес Освальд. – Кормить эту пиратскую братию нам смысла нет. Да и все равно долго они не протянут. А возиться с ними – только продлевать их страдания и осложнять собственную жизнь. Я бы на их месте тоже предпочел, чтоб кинжалом в сердце или ножом по горлу. Все лучше, чем валяться на палубе с выпущенными кишками. Уж ты мне поверь.

Бурцев верил. В конце концов, Освальд – сам из бывших разбойников, хоть и сухопутных, хоть и благородных.

– Готово! – подошел Джеймс.

Быстро управился. И не притомился. И почти не испачкался. Профи...

Дмитрий, Гаврила, Бурангул и Збыслав уже кидали трупы за борт. Дядька Адам и Сыма Цзян собирали оружие. Ядвига держалась в сторонке.

– Все мертвы, брави? – поморщился Бурцев.

– Ага, как же, все! – хмыкнул тот. – Тут, между прочим, полный трюм народа. Пленники пиратские... Кстати, кто-то из них нам здорово помог. Если б не они, нанизали бы Бурангула на копье. Только вот что теперь делать с этим трюмным людом – ума не приложу!

– Ну, выпустить, наверное, для начала, – предложил Бурцев.

Ключа не было. Замок с люка сбили все той же булавой Алексича.

Вообще-то пленников оказалось вовсе не “полный трюм народа”, Из открытого люка вылезло человек пятнадцать.

– Мерси, мсьё! Мерси боку!

Говорил самый старший, самый статный и самый усатый. Здоровенный такой мордастый дядька с огромной шишарой на лбу. Видимо, мужика сначала вырубili и лишь после положили.

Освобожденный узник еще что-то бормотал с типичным французским прононсом. Бурцев развел руками: не понимаю, мол. Увы, французов у него в роду, как и итальянцев, не водилось: генная память молчала.

“Шпрехен зи дойч?” в этот раз не помог. Теперь уже усач растерянно мерил руками воздух.

– Дэзоле, жё нэ компран па.⁴

Бурцев обернулся к спутникам. Спросил без особой надежды:

– Кто-нибудь знает французский?

– Я знаю, – выступил Джеймс. – Мне довелось пожить на юге Франции, когда там поднимала голову альбигойская ересь. Я выполнял некоторые ... м-м-м... поручения Его Святейшества Папы.

– Понятно. Бедные еретики... Ладно, брави, будешь у нас за толмача.

По-французски тайный убийца, в самом деле, шпарил так же уверенно, как по-итальянски и по-немецки.

– Это капитан нефа, – переводил Джеймс. – Зовут Жюль. Утверждает, что вез королеву Кипра Алису Шампанскую⁵, бежавшую от Хранителей Гроба и братьев ордена Святой Марии Иерусалимской.

О-пс! Опять Хранители! Опять тевтоны!

А Жюль все говорил и говорил, не останавливаясь. Судя по сбивчивому рассказу капитана, два пиратских когга неожиданно атаковали королевский неф из-за островного мыса, поэтому уйти от погони или выброситься на берег не удалось. Команда приготовилась к схватке, но королева не желала бессмысленного кровопролития и приказала сложить оружие. Ослушаться Ее Величества никто не посмел. Алиса Шампанская вступила с морскими разбойниками в переговоры, предложила встать под знамена кипрского льва и посулила награду. Увы, пираты предпочли не связывать себя королевской службой, и польстились на богатую добычу. Неф взяли на abordаж. Команду частью перебили, частью пленили и распихали по трюмам. Моряков разбойники намеревались продать в рабство, а за королеву и прочих благородных пленников рассчитывали получить выкуп.

– Жюль благодарит нас за спасение, но на всякий случай интересуется, не являемся ли и мы тоже пиратами, – закончил Джеймс синхронный перевод.

– Мы? – Бурцев хмыкнул. – Да нет уж, мы, скорее, антипираты. Ну, те, кто против... Хотя, с другой стороны... Нам требовался корабль на плаву, и мы его взяли. Взяли силой. Так что пусть этот Жюль думает, что хочет.

– Вы совершили благородное и богоугодное дело, покарав разбойников, осмелившихся напасть на корабль Ее Величества, – убежденно заговорил Жюль. – Сам Господь вершил свою волю вашими руками...

Джеймс переводил.

⁴ Прим: Извините, не понимаю (французск.)

⁵ Прим: Алиса Шампанская – жена короля Кипра Гуго I Лузиньяна, дочь короля Иерусалимского Генриха II Шампанского и Изабеллы – дочери Амальрика Иерусалимского. Алиса являлась регентшей Иерусалимского королевства в 1244—1246 гг. и матерью Генриха I Лузиньяна

– ... Ибо небеса выступили на вашей стороне, обрушив на головы пиратов громы и молнии, – Капитал заворожено смотрел на пробитые борта и дырявый парус. – Мы все слышали! И мы там, внизу молились за вашу победу!

– Джеймс, объясни ему, что это не гром и не молнии, – устало попросил Бурцев. – Скажи, что это оружие Хранителей Гроба.

Джеймс сказал. Усач в ужасе отшатнулся.

Похоже, сам brave кипрский капитан раньше не видел и не слышал автоматов и пулеметов цайткоманды в деле. Однако о существовании колдовского арсенала Хранителей Гроба с чужих слов он знал. Жюль кое-как убедили, что к немцам никто из присутствующих отношения не имеет, и речь идет всего лишь о трофеях. С трудом, правда, убедили, и с немалым. Поверить в небесные громы среди ясного неба королевскому капитану оказалось проще, чем в то, что магическое оружие Хранителей попало в чужие руки. Жюль в изумлении таращил глаза и не мог больше выдать ни слова. Пришлось помочь...

– Джеймс, спроси капитана, куда подевалась его драгоценная королева?

Джеймс спросил. Капитан спохватился, завертел головой, разволновался.

– Он говорит, что пираты разделили пленников во избежание бунта, – переводил брави. – Королева и ее свита должны сейчас находиться либо на другом когге, либо на нефе.

Из груди капитана вдруг вырвался горестный вопль: усач заметил тонущий когг. Судно с пробоинами под ватерлинией уже изрядно осело, и завалилось на бок. Экипаж давно попрыгал за борт. А вот пленники...

Жюль надел на Джеймса, замахал руками, запричитал. В голосе капитана слышались то просительные, то требовательные нотки.

– Силь ву плэ! Силь ву плэ!⁶ – без умолку твердил Жюль.

– Умоляет помочь, – объяснил брави. – Просит не губить невинные души, запертые в трюме.

Да уж, ситуация! Расстреливая корабль, Бурцев как-то не подумал, что на борту могут оказаться не только пираты.

– Если ребята Жюля управятся с этой, – Бурцев притопнул ногой о палубу, – посудиною – пусть действуют. Мы поможем, чем сможем.

Капитан медлить не стал. Голос усаха обрел властность. Жюль принялся сыпать приказами направо и налево. Встрепенулись и забежали матросы. Без лишних церемоний морской волк взял в оборот и собственных спасителей. Джеймс едва успевал переводить команды с французского. Дырок в простреленном парусе было немного, и на скоростных качествах судна эти небольшие прорехи не отразились.

Они успели... Едва-едва.

На корме тонущего когга валялось трое убитых арбалетчиков, еще один лежал на носовой боевой площадке. И больше – ни единого пирата. А из трюма, в самом деле, доносились призывы о помощи. Причем, отчаянные “о сэкуры”⁷ уже сливались с характерным бульканьем...

Булава Гаврилы и топор Дмитрия взломали люк. Люди в трюме плавали под самой палубой. Внизу оставалась лишь небольшая воздушная прослойка – ровно столько, чтоб высунуть лицо и попытаться надышаться вдоволь перед смертью.

Людей выдергивали, как морковь из грядки. А вода все прибывала. Собственно, корабль с простреленными бортами давно бы уже пошел на дно, если б плененные моряки Жюля не пытались заделать бреши. В ход пошло награбленное пиратами и сваленное в трюм добро с нефа Алисы Шампанской. Сундуки, парча, шелк, бархат, восточные ковры, расшитые золотом

⁶ Прим: Пожалуйста (французск.)

⁷ Прим.: О сэкур! – Помогите! (французск.)

камзолы, меха и даже длинная королевская мантия, подбитая горностаем. Утопающие спасали себя сами. Как могли. И – спасли.

Правда, повезло не всем: по трюму вместе с живыми плавало два трупа. Один – с развороченной грудной клеткой. Другой – с пробитым черепом. Оба попали под пулеметную очередь. Случайные жертвы... Бурцев отвел глаза. На войне, как на войне...

Глава 6

Королевы среди освобожденных не оказалось. Наверное, поэтому капитан никак не желал успокаиваться. Усач что-то кричал, указывая на удаляющийся неф, настойчиво тряс сначала Джеймса, потом – Бурцева. Опять звучали бесконечные “силь ву плэ!” И без перевода понятно: верный вассал Ее Величества жаждет погони и нового боя. Похвальное, в общем-то, желание, да только затяжная парусная регата с непредсказуемым результатом и еще одна абордажная схватка не входили в планы Бурцева. И без того, блин, задержались в средиземноморских водах! А до полнолуния времени оставалось не много. В общем, выбирая между спасением Аделаиды и кипрской королевы, Бурцев отдавал предпочтение первой.

Но настырный капитан не отцеплялся и все тараторил, тараторил...

– Жюль говорит, что королева сполна вознаградит своих спасителей, – переводил Джеймс сбивчивую французскую речь.

Бурцев промолчал. Награда его не интересовала. Его интересовало лишь время, которое они безнадежно теряли.

– ... а еще обещает, что нам помогут доплыть, куда мы пожелаем, в самые кратчайшие сроки.

Стоп! А вот это совсем другое дело! Бурцев видел, как лихо команда Жюля управляет пиратским судном. С такими помощниками на борту они доберутся до Святой Земли гораздо быстрее. К тому же ребята Жюля, похоже, горло готовы грызть за свою королеву. Если с ними не договориться миром, будет драка. Если договориться – дружба до гроба.

– Ладно, Жюль, будь по-твоему.

Усач за малым не захлебывался от собственных приказов. Команда, численность которой возросла вдвое, носилась по палубе с удвоенной же скоростью. Услуги дружинников Бурцева больше не требовались. Скучковавшись вокруг воеводы, они отошли в сторонку. Чего под ногами-то зря путаться.

– Как думаешь, Джеймс, долго будем гоняться за королевой? – спросил Бурцев.

Брави прикинул. Оценил силу и направление ветра. Скептически глянул на грузный неф с кормовыми веслами вместо руля. Одобрительно – на расторопную команду Жюля.

– Меньше чем через полчаса пойдем на абордаж. Когг легче и идет увереннее нефа.

– Хорошо. Ядвига, спустись, пожалуйста, в трюм. Не упряйся, девочка, иначе тебя спустит туда твой разлюбленный пан Освальд. А ты, Сема, отдай-ка мне громомет. Молодец, что не потратил “невидимые стрелы” – хвалю.

Со вздохом сожаления китаец протянул ему “шмайсер”.

– Кес кё се? – поинтересовался пробежавший мимо Жюль.

– Спрашивает, что это такое? – перевел Джеймс.

– Оружие Хранителей.

Жюль отпрянул в сторону.

Да, брави не ошибся. Уже минут через двадцать команда Жюля, похватав пиратское оружие, готовилась к абордажной схватке. Бурцев с соратниками тоже заняли места на носовой башенке судна.

Корабли сближались. На палубе королевского нефа сустились пираты. Из корзин на топах мачт, с кормовой надстройки навстречу преследователям полетели стрелы. С полдесятка вонзились в нос когга, в многострадальном парусе появились новые дырки. Беззвучно упал один из матросов Жюля. Вскрикнул, схватившись за плечо, другой.

Стрелки с когга ответили. Но, кажется, попали в мечущиеся фигурки на чужом корабле только Бурангул и дядька Адам. Все-таки расстояние еще приличное, а палуба под ногами

пошатывается. Волна усиливалась и при такой качке трудно бить наверняка. Бурцев ждал. “Невидимых стрел” в “шмайсере” не так много, чтобы расходовать их понапрасну.

А пираты... Да, пираты прекратили бегство и готовились к бою.

Сто метров. Восемьдесят...

Стрелы с обеих сторон летели гуще. Вскрики раненных и умирающих слышались чаще. На нефе замелькали бордажные крючья. Кажется, разбойники, удалившись от “раумбота” и не слыша более раскатов смертоносного грома, пришли в себя, приободрились. Ребятки намеревались отбить свой когг. Бородатый здоровяк – по всей видимости, пиратский капитан или какой-нибудь авторитет этой разношерстой морской братвы – размахивал кривым мечом, что-то орал зычным голосом.

Семьдесят метров. Шестьдесят. Пятьдесят ... Пора. С такого расстояния захочешь – не промахнешься. Отрывистый лай “шмайсера” разнесся над водой.

Бил Бурцев коротко и точно. Начал с громилы-бородача.

Вопли ужаса...

Корсарский «пахан» выронил меч, упал сам. Дальше Бурцев валил пиратов без разбору. Но целил только по верхней палубе, в кормовую надстройку да в топы мачт. Не хватало еще случайно зацепить королеву, как тех двух бедолаг из трюма затонувшего когга.

Сухой щелчок... Бурцев отбросил опустевший магазин. Вставил новый. Запасной. Последний. Опять открыл огонь.

Пираты запаниковали. Команда Жюля оцепенела в благоговейном трепете. Матросы и сам капитан, крестясь, бормотали душеспасительные молитвы. Когг сближался с нефом под звуки выстрелов. Обезумевшие пираты затеяли драку за шлюпки. На борту нефа имелось три лодки. И три кучи-малы возникли на палубе корабля. Хорошие мишени... Очередь. Очередь.

Еще щелчок. Патроны кончились. Как всегда, не вовремя. “Шмайсер” умолк. А команда Жюля все молилась. Бурцев глянул на Гаврилу. У Алексича на спине — труба фаустпатрона. За поясом – блин, додумался же! – граната. Бабахнуть, что ли, из гранатомета? Да нет, не стоит, пожалуй. Близо слишком: осколками своих покосит, да и пленникам в трюме достанется.

– Джеймс, скажи этим болванам, пусть действуют!

Джеймс сказал. Рывкнул, точнее. Французский, оказывается, при определенных обстоятельствах тоже может быть весьма грубым языком.

Картавая грубость брави возымела действие. Жюль и его команда вышли из оцепенения. Как раз вовремя! Нос когга с треском вломился в корму нефа. Толчок. Жуткий скрежет дерева о дерева. К счастью, удар пришелся вскользь, по касательной. Корабли не развалились и не пошли на дно.

С когга полетели “кошки”. Поданные Алисы Шампанской, впрочем, не тратилимного времени на бордажную связку. Ребята Жюля прыгали на неф с ходу. Высота бортов у парусников оказалась примерно одинаковой, так что это был сейчас самый простой и быстрый способ атаки. Двое или трое моряков не рассчитали – упали в воду. Пришлось кидать канаты. Еще одного спасти не удалось – затерло бортами.

Капитан Жюль лез в драку первым, дико вопя и вдохновляя остальных. У пиратов же достойных лидеров не оставалось. И сопротивления не было. Вообще.

Большая часть разбойников сиганула за борт. На воду успели спустить лишь одну шлюпку. Наиболее удачливые беглецы облепили лодку, отпихивая плывущих следом товарищей. Отпихиваться, однако, никто не желал. В итоге шлюпка перевернулась.

Немногие оставшиеся на корабле – рассеянные и деморализованные – сдавались без боя. То там, то тут раздавались мольбы о пощаде. Только капитан Жюль не щадил никого. И его матросы не щадили.

Все кончилось в считанные секунды. Последнего пирата извлекли откуда-то из каюты на корме и вышвырнули за борт с перерезанным горлом.

Глава 7

Бурцев следовал за кипрским капитаном по утыканной стрелами шаткой палубе нефа. Они направлялись к трюмовому люку. Ничего ж себе, путь-дорожка! Палуба – скользкая от крови. Всюду – трупы, брошенное оружие, размотанные, будто гигантские силки, канаты, Прочий корабельный инвентарь.

Бурцев обратил внимание на две запасные мачты. Обе лежали посередке, деля палубу надвое. Видать, ломались мачты частенько, раз приходится возить с собой запас. Имелись на борту также запасные рулевые весла. И с полтора десятка – никак не меньше – тяжелых якорей. Огромных, железных, двурогих, с деревянными поперечным штоками. Одним-двумя здоровенный неф, конечно, не удержишь, но пятнадцать штук! Это уж явный перебор. Тоже, видать, про запас взяты? Наверное, якоря набирали с таким расчетом, чтоб не жалко было оставлять на дне, ежели зацепиться. Вручную-то поднимать такую тяжесть – замаешься, а механических якорных шпилей и воротов пока не изобрели.

Трюм открывали втроем – Бурцев, Жюль и Гаврила со своей универсальной отмычкой. Удар булавы – и сбитый замок летит в сторону. Люк откинут. Затихли все. Что ж, Ваше Величество, на выход...

В самом деле, королева вышла первой. Алиса Шампанская оказалась хрупкой женщиной средних лет и довольно привлекательной внешности. Худенькое скуластое лицо. Огромные карие глаза. Грустные, правда, – прегрустные. Волнистые темные волосы. Брови, изогнутые тонкой дугой. Только ранняя седина немного портила эту печальную красоту. И скорбно изогнутые губы. М-да, улыбалась титулованная особа не часто. По крайней мере, в последнее время. Зато держалась Алиса Шампанская с поистине королевским достоинством. Даже в перепачканном трюмной грязью платье.

Жюль и его матросы приветствовали госпожу, дружно опустившись на колени. В глазах капитана светились восторг и обожание. У Бурцева даже мелькнула мысль, что отнюдь не только верноподанический пыл заставлял Жюля рисковать своей и чужими жизнями. Блин! Да ведь этот усач влюблен в королеву без памяти! За Ее Величеством следовала скромная свита: пара испуганных придворных дам, мальчик-паж, несколько моряков из команды Жюля и трое хмурых израненных мужчин. Судя по наряду – знатные рыцари или бароны, до конца защищавшие свою госпожу и представлявшие для пиратов интерес с точки зрения получения выкупа.

Последним вышел крепкий коренастый араб.

– О! – удивлено выдохнул пан Освальд. – Сарацин!

Сарацин носил просторный халат, широкие штаны и добротные сапоги. Араб был уже в летах: благородная седина просвечивала в иссиние-черной курчавой бороде, густо серебрила виски. На щеке виднелся старый шрам. Умные глаза смотрели прямо. Горделивая осанка выдавала человека, не привыкшего угодливо гнуть спину. Даже перед королевой.

Вот к этому-то сарацину и бросился вдруг Сыма Цзян. Бурангул, чуть помедлив, тоже шагнул к незнакомцу. Подошел и Дмитрий.

– Хабибулла! Твоя моя не узнавай! – китаец по давней своей привычке коверкал уже не русский – татарский. Вот только с чего он взял, что арабу знаком этот язык?

А араб язык степных кочевников знал. Араб улыбался. В густой бороде виднелись крупные крепкие зубы.

– Вай! Сыма Цзян?! Садык!⁸ Иптэш!⁹ И ты, Бурангул, тоже здесь?! И ты, Димитрий?! Вот так встреча! Салам алейкум!

⁸ Прим: друг (арабск.)

– Алекума-саляма! Алекума-саляма! – маленький сухонький китаец аж подпрыгивал от радости и потешно, будто крыльями, размахивал руками. Бурангул скалился во весь рот. Дмитрий же попросту сгреб Хабибуллу в охапку и троекратно расцеловал по русскому обычаю.

Все присутствующие, включая королеву, ошарашенно пялились на происходящее. Бурцев ни хрена не понимал.

– Какого, Сема?!

– Васлав, это та самая арабская мудреца, про которая моя твоя говорила в Силезская княжества. Вспоминайся! Хабибулла – создателя большая порока хойхойпао.

Бурцев “вспоминался”. Хабибулла... Хабибулла... Действительно, в самом начале их знакомства – еще в Польше, в лагере Кхайду-хана Сыма Цзян рассказывал о строителе мощной метательной машины – требюше-хойхойпао. Китаец говорил, будто этот арабский ученый муж, как и он сам, отправился в поход с татаро-монгольскими туменами, надеясь отыскать магическую башню перехода. Но ведь тот Хабибулла погиб. Так, по крайней мере, утверждал Сыма Цзян.

– Как твоя живая? Твоя должна быть мертвая! – жизнерадостно хихикал китаец.

– Ля-а¹⁰ – покачал головой Хабибулла. – Разве ты видел меня мертвым, Сыма Цзян?

– Нет, но многая другая говорила, что польский стрела попала в твоя голова...

– Никогда не верь другим, верь лишь своим глазам, садук. В Малой Польше возле Кракова убили моего коня. А стрела, что пустил в меня польский лучник, лишь оцарапала мне щеку, – Хабибулла тронул шрам, уходящий под бороду. – Я отстал, остался один. А потом... потом, слава Аллаху, мне улыбнулась удача. Я вышел к колдовской башне ариев, Сыма Цзян!

Китаец так и охнул:

– Твоя добралась до Куявия? Твоя нашла Вэгужевежа-крепость?

Хабибулла удивленно вскинул брови:

– Я нашел башню в Силезии. И никакой крепости там не было. Между двух холмов у небольшой реки, возле дороги, ведущей к городу Вроцлаву, валялись глыбы, которые не под силу поднять человеку. Среди этих глыб я и обнаружил основание башни. Древние манускрипты не обманули. В башне ариев, действительно, таится великая магия колдовских врат. Но у меня не было ни времени, ни возможности ее изучить. Зато я чудом выбрался из силезских лесов. Сгинул бы, наверное, на чужбине, если бы вновь не встретил воина Кхайду-хана, возвращающегося после Легницкой битвы. Велик Аллах в милости своей! Всевышнему не угодна была моя смерть. Но и от заветной башни Он отвел меня, едва явив ее. Может быть, потом... Может быть, в другой раз...

Сыма Цзян прицокивал языком и качал головой, подобно китайскому болванчику. Бурцев чесал репу. Судя по словам араба, Хабибулла вышел к развалинам той самой башни, откуда начался его, Василия Бурцева, путь в тринадцатом веке.

– А теперь скажи, мудрый Сыма Цзян, кому мы обязаны своим спасением? – спохватился Хабибулла.

– Ну, моя, конечно, – важно надулся китаец. – И моя многая друга. А больше вся вот... Старик указал на Бурцева.

– Мэ хэза? Кто это? Ваш военачальник-каид?

Сыма Цзян кивнул. Хабибулла подошел ближе.

– Эсмик э?¹¹ Как твое имя, о благородный воин?

Хабибулла говорил по-татарски. Бурцев ответил на том же языке.:

– Ну, Василий. Вацлав...

⁹ Прим: друг (татарск.)

¹⁰ Прим: нет (арабск.)

¹¹ Прим: Как тебя зовут? (арабск.)

Хабибулла приложил руку ко лбу, потом – к устам, к сердцу. Чуть склонил голову:
– Салям алейкум! И шукран¹² Благодарю тебя за помощь, о Ну-Василий-Вацлав.
– Алейкум ассалям! – вежливо отозвался Бурцев. Тоже отвесил уважительный поклон. –
Только без “ну”, пожалуйста. А твое имя Хабибулла, так?
– Эсми¹³ Хабибулла ибн Мохаммед ибн Рашид ибн Усама ибн...
Усама? Лишь бы не Бен Ладен! Бурцев торопливо вскинул руку:
– Прошу, уважаемый, позволь называть тебя просто Хабибулла.
Всех “ибнов” ему все равно не запомнить.
– Кваэс. Хорошо. Я твой вечный должник, о благородный Василий-Вацлав. И мой меч
– твой меч.
– Да ладно, чего уж там. Земля круглая. Сочтемся как-нибудь.
– Земля плоская, – серьезно возразил Хабибулла. – И расстелена Аллахом подобно ковру.
И укреплена горными твердынями, дабы не колебалась. Земля удерживается на рогах быка, а
бык – на рыбе, а рыба – на воде, а вода – на воздухе, а воздух – на влажности, а на влажности
обрывается знание знающих. Но, клянусь Аллахом, отныне я буду сопровождать тебя по этой
земле, сотворенной Им, всюду, каид Василий-Вацлав.
– Всюду? А может, все-таки не надо всюду-то? – осторожно спросил Бурцев. Излишняя
признательность иногда может становиться навязчивой.
– Надо! – упрямо сказал Хабибулла. – Я уже поклялся именем Аллаха.
Бурцев вздохнул. Кажется, еще одним человеком в его дружине станет больше, хочет он
того или нет. А впрочем... Преданный сарацин в Палестине им пригодится. Да и еще один меч
лишним никогда не будет.

¹² Прим: спасибо! (арабск.)

¹³ Прим: меня зовут (арабск.)

Глава 8

– Что ж, хорошо, я с благодарностью приму от тебя любую помощь, мудрый Хабибулла. – поразмыслив, сказал Бурцев. – Но объясни, ради Аллаха, как ты оказался на этом судне?

– Вернувшись в Эль Кудс¹⁴, я стал свидетелем великих перемен. И перемен не в лучшую сторону.

Бурцев наострил уши.

– Что так?

– После того, как схлынули реки крови, пролитые на наших землях крестоносцами, – торжественно начал араб, – мусульмане и христиане долго учились жить среди общих святынь без войн и насилия. Но едва в Иерусалимском королевстве установилось царство мира и гармонии, невесть откуда появились могущественные маги, что говорят по-немецки, именуют себя Хранителями Гроба и носят знамена сломанного креста. Эти чародеи, коим подвластны стихии огня, металла и колдовского грома, вступили в союз с тевтонскими рыцарями. Устроили резню. Захватили Святой Город, а захватив, превратили Эль Кудс в логово шайтана. И миру на многострадальной земле моих предков пришел конец. Наблюдать за такими переменами, стоя в стороне, я не мог.

– И теперь ты служишь королеве Алисе? – изумился Бурцев.

– Я никому не служу, кроме Всемогущего Аллаха, – с холодком ответил Хабибулла. – Я лишь выбираю, кому помогать и против кого драться. Нынче мой враг – зарвавшиеся немецкие рыцари с черными крестами на белых плащах и колдуны-германцы, поклоняющиеся кресту с поломанными краями. Кто считает тех и других своими врагами, всегда может полагаться на Хабибуллу.

“Что ж тогда и мы с тобой поладим”, – решил про себя Бурцев.

– А врагами Хранителей Гроба и тевтонов считают многие, – продолжал араб. – Даже – иоанниты-госпитальеры, тамплиеры-храмовники и прочие франки – не желают мириться с владычеством немцев. Франки ищут союза с нами.

“Франками”, насколько понял Бурцев, сарацин называл всех европейцев-негерманцев, обосновавшихся в Палестине. Но вот что значит “с нами”?

– С кем ищут союза франки? Кто еще выступает против Хранителей Гроба и немецких рыцарей? Какую силу ты представляешь, Хабибулла?

– Силу джихада!

– Ого! А поподробнее?

– Я говорю о правоверных мусульманах, объединяющихся с франкскими рыцарями-христианами ради общей победы над германцами.

Бурцев поскреб в затылке. Да... О таком джихаде слышать ему еще не доводилось.

– В Палестинских землях еще остались опытные бесстрашные воины, умеющие наносить врагу молниеносный удар и растворяться, в городских кварталах, в песках пустыни или в безлюдных скалах. Есть и лазутчики, умеющие слышать и видеть то, что врагу очень хотелось бы скрыть.

– Хм, лазутчики?

– Один из них стоит сейчас перед тобой, каид Василий-Вацлав.

Так-так-так... Рыцарско-бедуинские отряды Иерусалимского сопротивления? Партизанская война во славу Аллаха и Иисуса Христа? Мусульманское подполье, поддерживающее отношения с братствами тамплиеров и госпитальеров? Плюс собственная разведсеть? И Хабибулла – ее тайный агент? Сарацинский “Штирлиц”, блин! Очень-очень интересно.

¹⁴ Прим: “Святость” – арабское название Иерусалима

– И насколько же велико ваше христианско-мусульманское воинство? – поинтересовался Бурцев.

Араб погрузился.

– Под Аккрой наши силы были разбиты и рассеяны смертоносной магией Хранителей Гроба, но скоро, – в глазах Хабибуллы вспыхнул огонек надежды, – скоро они возрастут многократно. Султан Египта ал-Малик ас-Салих Наджм-ад-дин Аййуб, да хранит его Аллах! – уже спешит к нам на помощь.

Ладно, будем считать, диковинный палестинский расклад более-менее прояснился. Но вот каким боком здесь замешана королева Кипра? Ей-то отчего приходится бежать со своего островного государства?

– Вдова Алиса Шампанская и ее сын Генрих I Лузиньян – не только властители Кипра, но и претенденты на трон Иерусалимского королевства, – пояснил сарацин, – а значит, оба стоят у немцев костью в горле. Вот в чем их беда. Пока Лузиньяны живы, германский король Фридрих II, коего Хранители и тевтоны желают видеть на престоле Эль Кудса, не сможет носить иерусалимскую корону, не опасаясь претензий со стороны кипрского семейства. Впрочем, Генриха немцы уже устранили. Сын Алисы Шампанской погиб.

– Погиб? – переспросил Бурцев. А ведь, действительно, в пиратских трюмах никаких королевичей не было.

– Давно, еще в битве под Аккрой. – Несмотря на свой юный возраст, Генрих с небольшой дружиной дрался под командованием доблестного франкского каида Жана д'Ибелена и пал от магического грома немецких колдунов. Королева с тех пор ненавидит немцев лютой ненавистью и готова ради мести на все.

– Что ж, женская месть бывает страшна и слепа, – заметил Бурцев.

– Это так, – согласился араб. – Но, чтобы вершить ее, нужны реальные силы и возможности. У Алисы Шампанской нет ни того, ни другого. А между тем, Хранители Гроба и тевтоны начали подготовку к нападению на Кипр. Только скрыть переброску войск к портовым городам они не смогли. Нам стало известно о тайных планах германцев. И поскольку я был вхож во двор Ее Величества, всегда благоволившей к опытным путешественникам и знатокам наук, то вовремя предупредил повелительницу Кипра об опасности. Я говорил уже, что любой противник немцев – мой друг, а друзьям следует помогать. Особенно, если эта помощь вредит врагу.

Алиса Шампанская отплыла с острова в сопровождении верных слуг, рыцарей и солдат. Королевский эмир ль-бахри¹⁵ Жюль повел судно. Сначала он должен был высадить меня в Александрии, после чего Ее Величество намеревалась отправиться в Европу и уже там искать союзников для дальнейшей борьбы с германцами.

Их прервали. Ее Величество Алиса Шампанская напомнила о себе, Вернее, за королеву это сделали «эмир ль-бахри» и тайный убийца. Жюльчто-то тихонько шепнул брави. Тот, в свою очередь, склонился к уху Бурцева:

– Невежливо говорить в присутствии королевы на языке, которого она не понимает. К тому же Ее Величество изъявила желание познакомиться со своими спасителями.

Да, в самом деле. Неучтиво как-то получается.

– Хорошо, давай знакомиться. Ты вот первый и начинай.

Папский шпион начал. Выступил вперед и...

– Банд, – церемониально поклонился брави Алисе Шампанской. – Джеймс Банд.

Бурцев едва сдержал улыбку.

Тем же манером представился и китаец.

– Цзян. Сыма Цзян.

¹⁵ Прим: «морской эмир» – арабское словосочетание позднее переродившийся в европейских языках в звание «адмирал»

Почтительно-дружелюбный оскал на желтом морщинистом лице, по-восточному низкий поклон...

Джеймс что-то шептал Жюлю. Тот – королеве. Вводили в курс дела, видать.

– Алексич, – растерянным басом подхватил эстафету богатырь-новгородец. – Гаврила Алексич.

– Освальд. Пан Освальд.

– Адам. Дядька Адам...

– Вася. Просто Вася.

Бурцев с трудом сохранял на физиономии приличествующее случаю торжественно-железобетонное выражение. Сохранил, справился.

Представились все. Когда Жюль закончил объяснять, кто есть кто, Алиса Шампанская шагнула к Бурцеву. Улыбнулась приветливо и очаровательно, однако спрятать затаенную грусть так и не смогла:

– Бонжур, мсьё Вася!

Голос у ее величества оказался с нежной – на грани интима – хрипотцой.

– Здрасьте, – Бурцев немного обалдел. Надо же! «Мсьё Вася»! А сам виноват. Надо было не поясничать, а представляться нормально.

– Д'у вёнэ ву?

– Спрашивает, откуда ты родом, – подсказал Джеймс.

– Так это... Сам же знаешь – с Руси...

– Же сюи рюс¹⁶ – приблизительно так прозвучал его ответ по-французски.

Народ благоговейно внимал. Никто не смел вмешиваться в беседу.

– Кель аж авэ ву?

А вот это уже был вопрос личного характера. Как пояснил брави, ее величество изволит интересоваться возрастом собеседника.

– Э-э-э...

Ну, и на кой это сдалось королеве? Бурцев замялся, не зная, что и сказать. Минус семьсот с хвостиком лет – вот он, возраст... Именно столько ведь прошло с ненаступившей еще даты его рождения. А королева опять что-то нежно курлыкала.

– Слышь, Джеймс, спроси, может, она того... по-немецки понимает?

Джеймс спросил. Королева понимала!

Разговор сразу пошел бойчее.

В общем-то, все было очень мило, но обстоятельства не располагали к продолжительной беседе... Бурцев намекнул ее величеству, что время поджидает, и он был бы рад поскорее добраться до Палестины.

– Зачем вы направляетесь в Святые Земли, мсьё Вася? – спросила королева.

Напряженный взгляд немигающих глаз... Алиса Шампанская хотела знать правду и вовремя распознать обман, если собеседник пожелает солгать.

Бурцев всей правды не сказал – долго объяснять. Но и лгать не стал.

– У меня... у меня там дела, – уклончиво ответил он, – и кое-какие личные счета к Хранителям Гроба.

– Значит, вы следуете не в паломничество, а на битву?

– Да, ваше величество. Можно сказать и так.

– Тогда прошу вас пройти в мою каюту, мсьё Вася. Поговорим там. С глазу на глаз. Без свидетелей.

¹⁶ Прим: Я русский (французск.)

Глава 9

Каютой, тем более, королевской, это тесное, обитое голой доской помещенье в кормовой надстройке, можно было назвать с большущей натяжкой. Массивный сундук, два грубо сбитых табурета, да кусок парусины в полтора метра шириной, подвешенный к балкам наподобие гамака, – вот и весь комфорт. Впрочем, как пояснила Алиса Шампанская, на корабле и это считается неслыханной роскошью. Отдельная каюта, отдельный гамак...

Оказалось, что остальные пассажиры и члены экипажа, включая капитана, ютятся в общих каютах и спят по двое на одном подвесном спальном месте. По крайней мере, так обстояло дело до встречи с пиратами, когда на судне было более многочисленно.

Бурцев посочувствовал мореходам, но поспешил сменить тему. Время, действительно, дорого, и тратить его на пустопорожнюю болтовню – жалко. Бурцев теперь сам старался задавать тон беседе. И легко преуспел в этом. То, что интересовало сейчас его, королеву так же волновало до глубины души. А потому говорила Ее Величество охотно и по делу. Только вот слишком часто прикладывала к уголкам глаз шелковый платочек.

После смерти мужа Гуго I де Лузиньяна – наследника Амори I де Лузиньяна, обладателя громких титулов короля Кипра, графа Аскалона, графа Яффы и коннетабля Иерусалима, Алиса Шампанская осталась в окружении немногих, но верных вассалов. Венценосная вдова с сыном Генрихом тихо, мирно и спокойно жили на острове-королевстве, не помышляя ни о большой политике, ни о великих свершениях, пока Иерусалим не попал под власть Хранителей Гроба и ордена Святой Марии.

Вот когда выяснилось, что королева с королевичем стоят на дороге фашистско-тевтонской машины, стремительно набиравшей обороты. Кроме того, юный Генрих – набожный и, в то же время, честолюбивый наследный принц – загорелся желанием биться за святыни, попираемые колдунами “поломанного креста”. Вопреки воле матери Генрих отправился на бессмысленную войну и сгинул под Аккрой. Потом было предупреждение Хабибуллы, бегство, пираты, освобождение...

– Теперь я хочу плыть в Рим, затем – во Францию. Хочу поднять европейское рыцарство в новый крестовый поход, – страстно закончила королева недолгий рассказ. – В поход против Хранителей Гроба итевтонского братства! И Господь, да поможет нам!

Безысходная печаль в красивых глазах Ее Величества уступила месту гневу. К щекам королевы прилила кровь. Бурцев аж залюбовался. Алиса Шампанская бурлила. Ну прямо как хорошее игристое вино в бокале. Пузырики зарождающейся ярости, однако, пришлось пригасить.

– Крестовый поход против немецких крестоносцев, – по-моему, это весьма сомнительное мероприятие, Ваше Величество. И совершенно бесперспективное, если уповать на одну лишь помощь свыше.

– Его Святейшество Папа Григорий Девятый выступит на моей стороне, – убежденно заявила королева.

– Я тоже думаю, что в Риме вы найдете поддержку, – согласился Бурцев. – Возможно, вам даже удастся собрать небольшое войско. Однако Хранители Гроба разобьют его еще на подходе к Святой Земле. А если ваши крестоносцы отправятся морем, немцы потопят весь флот.

Она молчала и ждала... Он вздохнул:

– Открою вам секрет, ваше величество. В бою с пиратами я использовал оружие Хранителей и лишь благодаря ему мы победили.

– Это для меня уже не секрет, – кивнула Алиса Шампанская. – Жюль мне обо всем поведал. До сих пор я и надеяться не смела, что кто-нибудь, кроме самих немецких колдунов, в состоянии овладеть смертоносными громами. Но сегодня Господь послал мне вас, мсье Вася. Я

поняла, что это знамение! Благоволение Божие, от которого грешно отказываться. И я решилась...

– На что?!

– Об этом, собственно, я и хотела поговорить наедине.

Ее глаза смотрели серьезно и внимательно. “А теперь о главном” – читалось в этих глазах. Отказать им Бурцев не смог.

– Хорошо. Что именно вас интересует, ваше величество? – Мне не важно, где и каким образом вы получили доступ к тайным знаниям Хранителей Гроба и как завладели их оружием, ибо я вижу в ваших очах и помыслах божественный свет, а не отблески адова огня. Сейчас у меня к вам только один вопрос. Один-единственный. Согласны ли вы выступить во главе войска, которое я намерена собрать во Франции?

– Я? – Бурцев вытаращил глаза. – Во главе войска?

– Вы ведь сами сказали, что у вас тоже имеются счета к немецким колдунам?

О, да, имеются, и еще какие. Бурцев скрипнул зубами. В принципе, он, конечно, не против заявиться под стены Иерусалима не с дружинной в десяток человек, а с армией побольше. Было бы время, действительно, сгонял бы во Францию с мадам Алисой, наберновал рыцарей-волонтеров и... Да вот с ним-то, родимым, со временем – напряженка. Полнолуние близится, Аделаидка томится в плену, «кляйне атоммине» ждет своего часа. М-да... Но как бы этак поделикатнее отказать венценосной особе?

– Ваше Величество, – он кашлянул. – Я не думаю, что благородные рыцари Франции согласятся подчиниться княжескому дружиннику вроде меня. Мой род не настолько знатен и...

– Согласятся, – заверила Алиса Шампанская. – Если, встав во главе войска, вы станете еще и мужем королевы.

– Му... му... му...

Оба-на! А вот такого оборота он ну никак не ожидал! Совсем сбрендила ее величество!

– ...жем?

– Да, вы не ослышались, мсьё Вася.

– Но я?! Но вы?! – язык отказывался повиноваться.

Блин! Одно дело, когда купеческая женушка, притесняемая муженьком-тираном, виснет на шее, но королева!

Теперь деликатного отказа не получится. Но он все же попытался:

– Благодарю за столь высокую честь, Ваше Величество, однако...

Ее Величество Алиса Шампанская поднялась со своего табурета, так мало напоминавшего трон. И Ее Величество Алиса Шампанская медленно опустилась на колени. Перед бывшим омовцем Василием Бурцевым.

Глава 10

Он обалдело молчал. Она говорила – пылко, страстно:

– Я, королева без королевства, умоляю вас о помощи, мсьё Вася! С тех пор, как умер мой добрый супруг Гуго, я всего лишь слабая женщина, которая слишком долго старалась быть сильной. Но я устала, я больше не могу. Мой сын погиб, мои враги торжествуют, мои силы на исходе, а мое сердце сохнет от неутоленной жажды мести. И рядом нет надежного плеча, нет достойной опоры...

Королева без королевства шуршала пыльным подолом о ноги Бурцева. Глаза, полные слез и мольбы, были устремлены к нему. Последняя надежда, само отчаяние с отблеском безумного исступления смотрели на него из этих бездонных карих глубин. Бурцев совсем растерялся.

– Но можно найти более достойную кандидатуру, Ваше Величество. Тот же Жюль, например. Ваш капитан с радостью отдаст за вас жизнь и вообще...

– О, мой добрый, верный, бедный Жюль! – королева слабо улыбнулась. – Да, конечно он не первый год смотрит на меня влюбленными глазами и уже не в состоянии скрывать этого. И не он один. Есть благородные рыцари, готовые по одному моему слову ринуться в бой хоть с самим Князем Тьмы. Но мне вовсе не нужно, чтобы за меня отдавали жизнь. Мне даже не нужна корона. Ни Кипрская, ни Иерусалимская. Я готова все отдать тому, кто отомстит за моего несчастного сына, кто смешает Хранителей и тевтонов с песком и пылью Святой Земли. Увы, ни Жюлю, ни кому-либо из моих баронов и рыцарей такой подвиг не под силу.

– Но я...

– А вы с этим справитесь, мсьё Вася. И только вы. Вы владеете колдовским оружием Хранителей Гроба. Вы способны обучить этому искусству других.

Ну, как, как ей объяснить, насколько это не просто? И как дать понять, что за каждый ствол, отбитый у цайткоманды СС, придется расплачиваться десятками жизней? И как рассказать, что боеприпасы к эсэсовским автоматам и пулеметам на дорогах тринадцатого века не валяются? И еще... Как бы намекнуть Алисе Шампанской, что ему нужно срочно спасти близкого человека? Гораздо более близкого, чем королева Кипра.

– Что? Почему же вы молчите? От вас ведь зависит... – она осеклась, всхлипнула.

– А может, все-таки не только от меня, Ваше Величество? В моей дружине есть мудрый китаец и сообразительная полячка. Они тоже немного разбираются в оружии Хранителей Гроба. Они могли бы...

Бурцев прикусил язык. Да что он несет, в конце концов?! Не могли бы, ни хрена не могли! Все это отмазки гнилые. Речь-то идет о браке с королевой. Он представил старика Сыма Цзяна в качестве супруга Алисы Шампанской. Вот уж славная получилась бы парочка – хоть плачь, хоть смейся. Не-е, Сема – не вариант. Вряд ли синьору с такой бусурманской физиономией присягнет на верность хотя бы один рыцарь-христианин. И Ядвига тут ну никаким боком.

– Вы отказываете мне, мсье? – королева выглядела удивленной и уязвленной.

– Мне необходимо попасть в Святую Землю прежде, чем взойдет полная луна, – виновато развел руками Бурцев.

– Господи, да при чем тут это?! Вы попадете туда после полнолуния. С целой армией попадете. Вступите как король Кипра и Иерусалима! Разбейте немцев, и я... я буду вашей женой, служанкой, рабой...

Снова всхлип. Еще...

Н-да...Соблазнительное, конечно, предложение иметь в рабынях королеву. Но... Он покачал головой. Отрезал:

– Нет. Рабы мне не нужны. А после полнолуния будет поздно. Слишком поздно. Простите меня, Ваше Величество.

Она все еще смотрела на него снизу вверх. Она все еще плакала. Очень хотелось утешить, успокоить Алису. Бурцев протянул руку, погладил несчастную изгнанницу по волосам, которых касалась корона. Понял, что сморозил глупость, что позволил себе неслыханную дерзость. Отдернул руку. Но ничего страшного не произошло. Все было по-прежнему. От него еще ждали ответа. Другого ответа. Того, дать который он никак не мог.

– И потом, Ваше Величество, у меня ведь уже есть супруга. Аделаида. Агделаида. Краковская.

Она поняла его неправильно.

– Это не важно! Совсем не важно! – в отчаянии шептала королева. И все сильнее прижималась к ногам Бурцева. – Брак можно расторгнуть. Я знаю! Я дойду до Святого Рима! Его Святейшество не откажет мне!

– Но я вовсе не хочу расторгать брак. Я люблю жену. И должен разыскать ее в Святой Земле, пока не случилось непоправимое. Агделайду похитили Хранители и...

– Любите жену... – задумчиво перебила Алиса Шампанская. – Похитили Хранители...

Королева улыбнулась – невесело, через силу. Только одной половинкой рта улыбнулась – вымученной, нервной улыбкой.

– Любите жену... – кажется, этот довод задел Ее Величество больше всего. – Я так и знала, что здесь замешана женщина. Но я ведь не прошу у вас взаимной любви, мсьё Вася, я не выдвигаю никаких требований, я не связываю вас обязательствами. Если хотите, у нас будет всего лишь политический марьяж. Считайте его просто временным союзом.

– Извините, Ваше Величество, но марьяжа не будет.

Тишина...

– Мне нужно попасть в Святую Землю до полнолуния, – упрямо повторил Бурцев.

Королева порывисто поднялась. Встала сама, отведя его руку. Сейчас в помощи она не нуждалась. Алиса Шампанская стояла прямо и гордо. Такая негибкая, сильная, преисполненная строгого величия и прирожденного монаршего достоинства.

Глаза отверженной королевы были холодны и смотрели поверх головы Бурцева. Только блесевшая под ресницами влага напоминала о недавней минутной слабости Ее Величества.

– Хорошо, мсьё.

Тихий хрип... Говорить ей сейчас было трудно, очень трудно.

– Забудьте о нашей беседе. Все забудьте. Нам с вами следует расстаться. Желательно, поскорее. Вы помогли мне, я помогу вам. Возьмете пиратский когг. С вами отправятся помощник Жюля и два десятка опытных моряков из его команды. Хабибулла тоже изъявил желание сопровождать вас, и я не вправе его задерживать. Да поможет вам Бог. О ревуар, мсьё Вася...

Она отвернулась.

С тяжелым сердцем Бурцев оставлял в убогой каюте одинокую несчастную женщину. Королеву без королевства, без надежды. И, к тому же, теряющую от горя рассудок. Ее Величество едва сдерживала вновь подступавшие слезы и изо всех сил старалась казаться снежной, ледяной, стальной королевой. Только вот плохая была из Алисы Шампанской актриса. Бурцев плотнее прикрыл дверь. Это было то немногое, что он мог сейчас для нее сделать.

Эх, мсьё Вася, мсьё Вася... Вот так, блин, динамичность королей. Совсем не веселое это дело, оказывается.

Бурцев шагнул на скрипучую палубу нефы.

Глава 11

Ветер переменялся. Теперь задувало с севера. Два корабля ловили парусами один и тот же воздушный поток. Но руль на ахтерштевне когга и рулевые весла нефа разводили суда прочь друг от друга. Команда когга правила на юго-восток. Неф Алисы Шампанской забирал западнее – к немецкому катеру. Левый галс, правый галс... Расстояние между судами быстро увеличивалось.

Бурцев стоял на пробитой пулями носовой башенке-надстройке. Ее Величества на палубе нефа видно не было. Обиделась... Оно и понятно: королевам, делающим предложение, редко отказывают.

Фаустпатрон с неиспользованным зарядом Гаврила молча положил у ног воеводы. Беспольный “шмайсер” с пустым рожком полетел в воду. Бурцев в задумчивости взирал на морские просторы.

Пиратский когг с простреленным днищем давным-давно ушел на дно. Притопленный “раумбот” еще маячил задраным носом на пути нефа. Волна усилилась, но катер пока держался на плаву. По накренившейся палубе бегали и кричали спасшиеся пираты. Человек двадцать – двадцать пять. Кажется, корсары-неудачники уже осознали свое плачевное положение и вымаливали пощаду у бывших пленников. А королевский неф безучастно проплывал мимо. Случайно ли парусник, облепленный геральдическими львами, шел так близко от катера или это была изощренная месть – Бурцев не знал.

В принципе, Алиса Шампанская могла бы приказать команде засыпать морских разбойников стрелами. Но не стала. Однако и брать на борт эту банду Ее Величество не собиралась. Подразнив пиратов призрачной надеждой на спасение, королева бросала их всех на волю providения. А providение в открытом море жестоко и неумолимо. На дрейфующем островке, в который превратился неуправляемый “раумбот”, разношерстую гопоту не ожидало ничего, кроме смерти. Смерти долгой и мучительной, если катер по-прежнему будет держаться на плаву. Смерти быстрой и неизбежной, если пучина все-таки утянет его на дно.

А ведь утянет! Бурцев-то в этом не сомневался ни на йоту. Еще чуть побольше, посильнее волна – и пираты с атомным грузом – буль-буль... Собственно, “раумбот”, захлестываемый белыми барашками, уже тонул. Кормовая зенитка наполовину скрылась под водой. Нос поднялся выше, чем прежде. Оставалось недолго. Совсем недолго...

Королевский неф удалялся. Обреченные пираты бесновались и сыпали проклятиями вслед кораблю. Немногие в этот момент смотрели в противоположную сторону.

– О, Матка Бозка! Что это?!

Матка Бозка? При чем тут Богоматерь? Крик Освальда вывел Бурцева из задумчивости. И не только его. Загалдели, зашумели перепуганные матросы. Встревожилась дружина. Неужто опять пираты?

Нет. Это оказалось хуже, гораздо хуже пиратов.

С высокой боевой площадки на носу когга было хорошо видно, как по волнам, вспучивая воду и оставляя позади длинный пенный след, несло нечто. Рыбы с такой скоростью и по такой траектории, точно, не плавают...

Торпеда! Бурцева прошиб холодный пот. Откуда?! Какого лешего?! Водяного какого?!

Моряки уже вопили от ужаса. Команда впала в ступор. Лавировать, уклоняться с такой командой – дохлый номер. Да и не спастись, нипочем не спастись неповоротливому паруснику от торпедной атаки.

Они замерли все. Как кролик перед удавом замерли. А удав этот – коротенький, толстенький, пряменький, с винтом вместо хвоста рубил воду тупорылой головкой. И быстро приближался.

Но нет – сейчас по волнам мчалась не их смерть. Не по их душу неслась набитая взрывчаткой болванка с моторчиком. Это Бурцев понял, когда плавающий снаряд, зло, походя, брызнул водой в левый борт когга. И устремился дальше. Направлялась торпеда... направлялась... К “раумботу” она направлялась!

Пронесло! – первая мысль. Вторая – твою мать!

Атомный гроб в трюме немецкого катера – вот о чем думал Бурцев в эти бесконечно долгие доли секунды. Когда море вспучится от ядерного взрыва, ничего живого не останется в радиусе... в приличном, в общем, радиусе.

Бурцев молился вместе со всеми. Неумело, торопливо. Слова последней молитвы возникали в мозгу сами собой. Вперемежку с матом. Было ли это кощунством? Или мозг на краю смерти жил уже своей отличной от отлетающей души жизнью. Жил и бранился, не желая смиряться, не желая умирать.

Однако и тем, кто пустил торпеду, наверное, тоже не очень хотелось сгинуть в клубах атомного огня и пара. Те, кто пустил торпеду, действовали так же осторожно, как и летчики “Мессершмиттов”. Те, кто пустил торпеду, целили не в грузовой отсек “раумбота”.

Вытянутая продолговатая болванка ударила по многострадальной корме катера.

На борту тонущего судна к тому времени не было уже никого: пираты попрыгав в воду, отчаянно загребали руками. Смешно... Грустно... Уплыть от своей смерти не дано никому из смертных.

Громыхнул взрыв – слава Богу, без атомного гриба. Выворотило, срезало подчистую всю заднюю часть “раумбота” вместе с машинным отсеком, взломало герметичную перегородку. Кувыркаясь, полетел сорванный с лафета зенитный пулемет. Задранный носовая часть катера поднялась еще выше, подскочила, подброшенная взрывной волной, крутанулся над водой, словно гигантская рыба, перекушенная напополам, рухнула вниз. А за мгновение до того в снопе брызг и огня Бурцев отчетливо увидел вываливающуюся из разбитого трюма “атом-мине”. Целую и невредимую!

Гробообразный контейнер с урановым зарядом мгновенно ушел на дно. За ним так же быстро последовал и катер. Да, те, кто пустил торпеду, сработали чисто: в средиземноморских водах не будет даже радиоактивного заражения. В ближайшие века, по крайней мере.

Волна, поднятая взрывом докатилась до когга. Качнуло – прилично так, ощутимо. Но это еще что: тяжеленный неф, который оказался гораздо ближе к эпицентру, отпихнуло, отбросило в сторону, едва не перевернуло.

К Бурцеву вернулась способность мыслить. Кто?! – билось в мозгу. Кто пустил торпеду?! Не было ж ни единого суденышка на водной глади. Не гудели в небе самолеты. И сейчас вот тоже: ни самолетов вокруг, ни кораблей. Или... Он прикинул траекторию плавающего снаряда. Или все-таки есть?

Все-таки есть!

Небольшой бурунчик возник неподалеку. Рядом совсем – из лука достать можно. Не риф и не акула, привлеченная запахом смерти. Бурунчик быстро рос, ширился...

– Левиафан!¹⁷ – вскричал Освальд. – Змей водный!

– Кракен!¹⁸ – орали моряки Жюля.

– Чудо-юдо морское! – ахнул Гаврила.

“Юдо” выставяло шип. Шип поблескивал металлом.

– Пе-рис-коп... – побледневшими губами прошептал Бурцев.

И не расслышал звука собственного голоса.

¹⁷ Прим: мифический обитатель морских глубин

¹⁸ Прим: Еще одно пугало средневековых мореходов, которого представляли, в виде гигантского рака, кальмара, морского дракона или змеи

Глава 12

А “юдо” уже поднимало над водой вытянутую стальную морду. “Юдо” сбавляло скорость. Ни хрена ж себе! Средиземноморскую акваторию патрулирует субмарина цайткоманды! Субмариночка, точнее. Не подводный гигант, как показалось сначала, с перепугу. На чудовищного левиафана немецкая подлодка никак не тянула.

Судно принадлежала к классу так называемых лодок-малюток. Знаменитый подводный штурмовик “Зеехунд”. “Тюлень”. Шустрый, неуловимый, беспощадный. Длина обтекаемого корпуса – всего каких-то дюжина метров. Ширина – полтора-два. Сзади – рули и винт в защитном “стаканчике”, вверху – задраенный люк. Три отсека – жилой, машинный и шлюзовой, дизель и электромотор, два члена экипажа и две забортные торпеды калибра 533 мм в бугельных аппаратах.

Со стороны немецкий “Тюлень” и сам больше смахивал на торпеду. Этакую здоровенную торпедищу, несущую в боковых клешнеобразных захватах две малые торпедки. Вернее, одну уже – вторая только что потопила “раумбот”.

– Что это, Вацлав? Что?! – наседал пан Освальд.

Бурцев ответил, как есть:

– Подводная лодка.

– Но это невозможно! Лодки не плавают под водой! Под водой лодки идут ко дну!

– Не все, Освальд, не все...

Он лихорадочно соображал. Он понимал, что произошло.

“Мессершмиты” успели передать координаты “раумбота” с атомным грузом на борту. Возможно, даже сообщили, что катер противника оказывает сопротивление. И в указанную точку отправилась подмога.

Пока Бурцев со своей дружиной дрейфовал на простреленной посудине, пока разбирался с морскими разбойниками, пока освобождал пиратских пленников, пока, как распоследний идиот, разговоры разговаривал с королевой Кипра, шустрая лодчонка спешила сюда на всех парах.

А они... Блин, они даже не удосужились убраться из района воздушного налета. Разумеется, их обнаружили.

Немецкие подводники, тем временем, проверяли результаты своей работы. Высматривали, небось, не бултыхается ли где чудом уцелевший “полковник Исаев”? В открытую высматривали... А почему бы и нет? Атака удалась. Катер с вооружением, представлявшим гипотетическую опасность для подлодки, пошел ко дну. А таиться от двух парусных судов, что стали случайными свидетелями торпедирования, фашики не считали необходимым.

Впрочем, и свидетелей оставлять эти ребята, похоже, не собирались. Субмарина изменила направление движения, подплыла еще ближе к коггу. Но пиратский корабль немцев пока не интересовал. Вторая торпеда “Тюленя” смотрела в корму удаляющемуся нефу Алисы Шампанской. Вот она, новая цель! Прямо по курсу, метрах в четырехстах. Чуть покачивающаяся на волнах. Крупная, неповоротливая. Обреченная.

Пустить торпеду вдогонку нефу – секундное дело. Убийственный плевок “мини-кракена” был едва заметен. Темное продолговатое тело выскользнуло из разжавшихся клешней. Чуть взбрызнула вода перед фашистской “чудо-юдой” – и плавучая смерть помчалась, понеслась к королевскому судну. Бегущая по волнам, мля!

– Боже, храни королеву, – выдохнул Джеймс.

Грянул взрыв. Корма нефа развалилась. Рулевые весла разлетелись в стороны. Обломки мачт, ключья парусов, обрывки спутанных снастей, части человеческих тел, разбитые шлюпки – все разом поднялось в воздух. И ухнуло вниз.

Торпеда расколола корабль надвое. Вдоль. Как топор дровосека колет сухое полено. И развороченное нутро корабля открылось воде и свету.

А вот теперь субмарина разворачивалась к коггу. Она была в каких-то полутора сотне метрах. в надводном положении. Матросы едва не стонали от ужаса. Ни на секунду не стихали слова молитв.

Бурцев был озадачен. Странное дело! Ведь оба торпедных аппарата мини-субмарины пусты. Что же теперь предпримут фашики? С разгону, да на таран, как какой-нибудь “Наутилус”? Но “Тюлень”-малютка и сам вряд ли уцелеет после такого столкновения. А камикадзе среди немцев встречаются редко.

Все оказалось проще. Люк боевой рубки дрогнул, сдвинулся, открываясь... Над люком возник ствол укороченного “шмайсера”. Ясно! Их когг не станут взрывать торпедой. И таранить тоже не будут. Из их когга сделают решето.

Бурангул пустил стрелу. Увы, даже меткий степной лучник не мог сейчас достать немецкого подводника. Откинута крышка люка служила надежным укрытием. Не высываясь, фриц дал короткую очередь. Мимо. Качка все-таки. И бьют почти вслепую. Но ведь это только начало!

Матросы молились. Подлодка неторопливо приближалась.

Вторая стрела чиркнул о край люка. А толку-то!

Вторая очередь... Две или три пули ударили в борт где-то на уровне ватерлинии.

Кто-то что-то закричал – громко, истошно. На французском. И без перевода ясно: течь в трюме.

Бурангул в третий раз спустил тетиву лука. И вновь ничего не добился. Нет, стрелы тут бессильны. А что еще они могли противопоставить немецкому “Тюленю”?

Идиот! Бурцев обругал себя последними словами. Могли ведь, еще как могли! Было у них одно верное средство. Офигительное! Безотказное!

Валяющийся под ногами фаустпатрон он заряжал не быстро – очень быстро. Зарядил.

Поднялся над носовой надстройкой. Замер, целясь. Ноги широко расставлены, труба гранатомета лежит на плече. Деревянное заборало корабельной башенки служит дополнительным упором. Конус гранаты смотрит под открытый люк субмарины.

Быстрый взгляд назад. Сзади – никого. И ничего. Огненная струя реактивной гранаты людей не заденет. Да и на парус попасть не должна – мимо пройдет, не опалит...

Бурцев отрешился от всего. Один выстрел, только один! Больше гранат нет. И ничего – ни истошные крики матросов, ни усиливающаяся качка, ни собственное неистово колотящееся о ребра сердце – не должны сейчас помешать.

Глава 13

Вероятно, Бурцева заметили. И угрозу, распознали. Следующая автоматная очередь ударила уже не в борт корабля, а в боевую носовую надстройку. А ни фиги! А мимо! Одно дело бить из-за люка по здоровенному корпусу когга. И совсем другое – по одиночной фигуре с фаустпатроном. Автоматчик попытался выглянуть, прицелиться. Стрела Бурангула царапнула фрица по макушке, загнала обратно.

И нервы у эсэсовцев сдали. Стрельба прекратилась. Ствол “шмайсера” исчез. Раненый автоматчик скользнул вниз. Люк задраивался. Заполнялась носовая балластная цистерна: лодка начинала погружение.

Бурцев целился... Наверняка! Бить надо наверняка.

Малютка-“Зеехунд” – непревзойденный рекордсмен по скоростному нырянию. Если обычной субмарине, чтобы уйти под воду, требуется никак не меньше полминуты, то шустрый немецкий “Тюлень” справляется с этой задачей за пять секунд. А если очень постарается – хватит и четырех. Эти фрицы старались, очень старались. Но даже четыре секунды – слишком долгий срок, когда “фаустпатрон” заряжен и наведен на цель, а палец лежит на спусковом крючке. Даже три секунды...

Бурцев задержал дыхание. Вообще-то о случаях использовании гранатомета в качестве оружия противолодочной борьбы ему известно не было. Но если альтернатива фаустпатрону – только стрелы, мечи и копья, ничего иного не остается. Бурцев нажал на спуск.

Нос лодки уже скрылся под водой. Зато корма с бешено вращающимся винтом чуть приподнялась над волной. В нее-то – в хвост испуганного “Тюленя” – и ударила противотанковая граната.

Грохот, осколки, брызги воды и металла... Наверное, сегодня день разбитых корм.

Кумулятивная струя прожгла дыру в машинном отсеке. Там, внутри рвануло еще раз. Еще больше брызг и осколков... Снесло и отбросило прочь рули и винт. Обрубок субмарины пыхнул пламенем разбитых дизелей. Миг – и лодка с шумным плюхом исчезла из виду.

Лишь пузыри. Да радужное пятно на бурлящей поверхности. Да эсэсовская фуражка...

Там, где ко дну пошел королевский неф, плавало куда больше корабельного хлама. И именно оттуда донесся едва слышный крик.

– О сэку-у-ур! – зывали о помощи уцелевшие члены экипажа.

Бурцев присмотрелся. Да, погибли не все. Обломок мачты с паутиной снастей облепил добрый десяток человек. Белым пятном среди спасшихся выделялись платье Алисы Шампанской. Что ж, надо помочь. Тем более, что...

– Королева за бортом! – гаркнул Бурцев.

Перевода не потребовалось. Все всё видели. Все всё поняли.

Минут через двадцать королева была на борту. Жалкая, промокшая, испуганная. Рядом – верный Жюль. Тонуть, бросив венценосную особу на произвол судьбы, капитану, видимо, не полагалось.

– Ох, рано мы с вами распрощались, Ваше Величество, – хмыкнул Бурцев.

– Мерси... мерси... мерси... – Алиса Шампанская выбивала зубами частую дробь. Жюль укутывал Величество в сухой плащ.

– Мерси... мерси... мерси... – на большее она была не способна. Шок.

– Да ладно вам, Ваше Величество, не за что.

Пока Алиса Шампанская приходила в себя, Бурцев прикидывал, как быть дальше. Этой беглянке следует держаться от палестинских берегов подальше. Ему же, наоборот, нужно попасть туда как можно скорее. А корабль у них теперь один. Распилить надвое – потонет.

Проблему решила сама королева. По-королевски благородно.

– Вы уже дважды спасаете меня, мсьё Вася. И я желаю отплатить за ваше благородство, дабы впредь не чувствовать себя обязанной. Мы доставим вас и ваших друзей в Святую Землю. Высадим в порту Яффы и сразу отчалим. Вы отправитесь разыскивать свою... – Алиса Шампанская вздохнула сокрушенно, – свою возлюбленную супругу. Я отправлюсь во Францию.

Он поблагодарил – искренне и пылко. Но все же напомнил, на всякий случай, для очистки совести:

– Это опасно, Ваше Величество. Если тевтоны или Хранители Гроба узнают...

– Тогда вы спасете меня в третий раз, – перебила она.

Сказала сухо, серьезно, без тени дешевого кокетства. Это была не просьба и не приказ. Просто констатация факта.

Бурцев склонил голову. Раз уж королева верит в его возможности так безоглядно...

– Жюль! – позвала Алиса Шампанская.

Вскоре капитан гонял своих матросов по коггу.

Пулевые отверстия у ватерлинии, законопатили и замазали растопленной смолистой массой из пиратских запасов. Да так, что захочешь – не разглядишь. Течь ликвидировали, воду из трюма вычерпали. Ровненькие, кругленькие – явно не от наконечников стрел – дыры в парусе залатали широкими бесформенными заплатами. Изрешенные огнем крупнокалиберного пулемета надстройки на корме и носу сбросили за борт. Без грозных башенок боевой корабль обрел мирный вид. Правда, видок портили разномастные пиратские щиты – их вывели вдоль бортов на варяжско-новгородский манер. Но иначе нельзя: щиты закрывали следы обстрела из двадцатимиллиметрового орудия “раумбота”.

Все складывалось замечательно. Парус ловил попутный ветер. Когг уверенно скользил по волнам.

– Василий, – Джеймс тронул его за плечо.

Лицо папского шпиона выглядело озабоченным.

– В чем дело, брави?

– Глянь-ка на мачту.

– Ну? И что? Мачта, как мачта. Ничего особенного я на ней не вижу.

– В том-то и дело! Ни одного флажка. Мы ведь сами теперь как пираты! И на таком корабле ты хочешь войти в порт Яффы?

Хм... Действительно, непорядок. Проблемка, блин! И под рукой, как назло, нет ни одного мало-мальски подходящего вымпела. Или... или есть?

Бурцев подошел к Гавриле:

– Алексич, выручай. Нужен твой платок с венецианским львом.

– Зачем?

– К мачте прицепим вместо флага.

Новгородец посмурнел. Платочек-то не простой. Подарок несчастной Дездемоны – зазнобушки Гаврилы, павшей от «вальтеровской» пули.

– Сотник, мы ведь не на гулянку плывем, – добавил Бурцев, – а с немцами квитаться. И за Дездемону твою – в том числе. Без флага нам сейчас никак нельзя.

С тяжким вздохом и без явной охоты Гаврила вынул из-за пазухи подарок возлюбленной. Развернул...

– Подойдет? – Бурцев глянул на Джеймса.

– О, разумеется, – обрадовался брави. – Венеция – союзник братства Святой Марии и Хранителей Гроба. А платок достаточно велик для флага. По крайней мере, это лучше чем ничего. И намного лучше кипрского герба Алисы Шампанской.

Ветер дул попутный. Венецианский крылатый лев бился на привязи. Бывший пиратский когг рассекал волны. Так, под чужим флагом, на чужом корабле, они и вошли в воды, омывающие Святую Землю.

Глава 14

Порт Яффы встречал неприветливо. И притом весьма. Катером береговой охраны, вынырнувшим из-за парусных судов, встречал их порт..

Катерок был так себе – раза в четыре меньше потопленного “раумбота”. На носу – ручной пулемет “MG-42” и два пулеметчика в касках. Над рубкой – вымпел со свастикой.

– Хранители, – пробормотал Хабибулла. – Хранители Гроба...

Кроме пулеметного расчета, на борту катера находились шесть автоматчиков в желто-коричневой тропической форме. Плюс офицер. Итого девять человек. Фигово... Разряженные фаустпатрон, как и бесполезный трофейный “шмайсер”, давно уже покоятся на морском дне. Так что, если начнется заварушка, на пули придется переть с мечами и стрелами.

Небольшое юркое суденышко цайткоманды ловко лавировало между коггами, нефами и арабскими торговыми дхау. Катер приближался к кораблю под венецианским флагом.

– Ваше Величество, вам лучше укрыться в трюме, – посоветовал Бурцев.

Алиса Шампанская не возражала. Ее Величество спустилась вниз. Бурцев остался на палубе, Нехорошо было на душе, тревожно. Беглянка-королева в трюме – это ведь еще полбеды. Вся их маскировка, скрывавшая следы пулеметного обстрела, рассчитана на беглый поверхностный осмотр когга со стороны. Если немцы поднимутся на судно, пиши – пропало. А именно это, по всей видимости, и намеревилась сделать люди на катере.

Нехитрый план – скромно, не привлекая внимания, подойти к берегу, быстренько высадиться и отправить королеву со всей командой прочь – теперь не сработает. Разворачивать корабль тоже поздно: эсэсовский катер скоро будет под бортом.

– Таможня тут, блин, лютует, что ли? – пробормотал Бурцев.

– Раньше такого не было, – заметил Хабибулла.

Что ж, раньше было раньше. Видимо, потеря связи с двумя самолетами и исчезновение подлодки не прошли даром. Порядки менялись...

Катер подплыл ближе. Высокий офицер, проорал в рупор. По-немецки:

– Эй, на когге! Бросай якорь!

Приказ был продублирован на итальянском, французском, английском и даже, вроде бы, на арабском. На русском не прозвучало ни слова. Уже лучше. Их пока не подозревают в нелегальной перевозке “полковника Исаева” – и на том спасибо.

– В чем дело, уважаемый? – вежливо возмутился Бурцев. Тоже, разумеется по-немецки. – У нас мирный торговый корабль и никогда еще...

– Бросай якорь, я говорю! – гаркнул офицер. – Приказано проверять все суда, входящие в порт. Не подчинитесь – пустим посудину на дно.

Так... Когг попал под общую раздачу и закосить под дурачка не удастся. Ствол немецкого пулемета, в самом деле, смотрит им в борт. Чуть пониже ватерлинии.

Жюль в растерянности взглянул на Бурцева.

– Выполняй, – кивнул тот. – Брось якорь, но стой рядом. Возможно, придется рубить канат.

Джеймс перевел. Жюль сделал, как было велено. Матросы скинули за борт тяжеленную двурогу дуру с деревянной поперечиной-штоком, капитан застыл возле у натянувшейся каната, положив руку на эфес меча. Этот широкий кривой клинок – пиратский трофей – годился и для abordажной схватки, и для разрубания корабельных снастей.

– Гаврила, Дмитрий, Збыслав, – ко мне, – пока подруливал патрульный катер, Бурцев отдавал последние распоряжения. – Если начнется драка – прыгаете к Хранителям в лодку и валите всех подряд, чтоб никто даже пискнуть не успел. Бурангул, дядька Адам, возьмите луки, встаньте на корме – прикроете в случае чего. Сема, Халибула – на нос. Вы – иноземные

купцы. Зафрахтовали венецианской судно. Ясно? Нет? Короче, раздувайте щеки, лопочите что угодно, главное, чтоб непонятно было. Джеймс, пока Жюль дежурит у якоря, ты у нас – за капитана. Венеция тебе знакома, так что на слове немцы тебя не поймают. Освальд, присмотри за трюмом – там королева. Если кто полезет... В общем, знаешь, что делать. Только без шума.

Фашистам бросили два каната. С борта, обращенного к морю, не к порту. Маленькая хитрость: так массивный корпус когда закрывал катерок от любопытных глаз.

Крепкими морскими узлами эсэсовцы привязали брошенные концы к своей посудине. Два судна в одной связке терлись теперь друг о друга. Хорошо – абордажные крючья не понадобятся.

Взбираться на высокобортный когг фашистам тоже пришлось с помощью веревок. Начищенные сапоги скользили по мокрой обшивке. Мундиры пачкались о просмоленное дерево. Фрицы ругались. Наверное, им самим осточерели все эти бессмысленные проверки. Но – служба... Ее гитлеровцы несли исправно.

На палубу поднялись два автоматчика. Один, судя по нашивкам, – сержант-шарфюрер. Другой – рядовой. Крепкие ребята. И вымущтрованные. Оба лезли на корабль, забросив “шмайсеры” за спину. Но едва нога коснулась палубы, оружие снова было в руках.

Немецкий десант перебрался на когг ловко, даже не потревожив щитов, закрывавших простреленный борт. Может пронесет?

Фрицы обратили угрюмые лица к Бурцеву. С ним они перекрикивались при сближении, и его же принимали за главного.

Заговорил тот, что с сержантскими нашивками:

– Чей корабль?

– Венецианский, – Бурцев указал на флаг со львом.

Немцы и бровью не повели. Союзникам тут поблажек не полагалось.

– Что за азиаты на борту?

Шарфюрер неприязненно глянул на Сыма Цзяна и Бурангула. Покосился на Хабибуллу.

– Нас нанял китайский купец со своим слугой, – выкручивался Бурцев. – И сарацин этот.

Он тоже купец, партнер и проводник. А также знаток местных рынков, цен и обычаев...

– Что везете? – перебил сержант.

– Товар из Китая. Тюки с шелком.

– Хм, через Европу? Через Венецию?

– Так выгоднее, уважаемый. Новый шелковый путь недавно открылся – не слышали? Половину товара мы выгодно продали в Италии. Половину привезли сюда.

– Половину? Что-то осадка у вашего корабля такая, будто вы все свое добро в Венеции распродали.

– Так шелк – он ведь не тяжелый совсем. А у нас, кроме него, и нет ничего боле. Но зато шелк лучший из лучших! Невесомый, как воздух, на ощупь нежный, как кожа юной девы... – Бурцев расхваливал несуществующий товар, заговаривал зубы...

– Хватит паясничать. Позови купцов, – приказал эсэсовец.

Бурцев позвал

Сыма Цзян подошел – важный и приветливый одновременно. Хабибулла следовал за ним. Напряженный, настороженный.

Глава 15

– Куда направляется корабль? – сержант продолжал допрос. Смотрел на “купцов”, а говорил Бурцеву, – Переведи, что я спросил.

Бурцев обратился к попутчикам по-татарски, благо, язык степняков понимали оба:

– Ну-ка, ребята, покажите этому немцу, что такое восточный базар.

Китаец и араб показали. Зататорили одновременно на двух языках, замахали руками, забрызгали слюной.

Немец сплюнул, рявкнул:

– Молча-а-ать!

Снова повернулся к Бурцеву:

– Где товар?

Дело все же стойко пахло керосином!

– В трюме, где ж ему еще быть-то.

Сержант обернулся к подчиненному:

– Проверь. Все там обшарь, как следует.

Короткий кивок. Автоматчик побежал к трюму. Исполнительный и шустрый типчик. Мда, похоже, номер не прошел. Будет драка. Ой, бу-у-удт!

Бурцев тоже кивнул. Освальду, стоявшему у люка наготове. Начинать заваруху предстоит добжиньскому рыцарю. Пан Освальд ослабил, предвкушая кровавую потеху.

Освальд откинул крышку трюмового люка, с деланным радушием пропустил немца вперед. Шагнул следом. Придерживая меч на поясе...

– Сколько миль вы прошли? Каким курсом следовали? – сержант вновь обращался к Бурцеву.

– Сколько миль? Каким курсом? Э-э-э...

Он заставил себя оторвать взгляд от распахнутого люка.

– Ты капитан или кто? – немец грозно сдвинул брови. Ткнул Бурцева “шмайсером” в грудь. А бо-о-ольно!

– Это мой помощник и толмач, – выступил вперед Джеймс. – Капитан – я. Что вас интересует, синьор?

Брави смотрел прямо, безбоязно и немного насмешливо. Это, наверное, не очень понравилось шарфюлеру СС.

– Для начала твое имя, капитан.

Фриц отцепился от “шмайсера”, расстегнул правый нагрудный карман под светло-голубым, с коричневым подбоем, орлом Третьего Рейха, извлек записную книжку, карандаш. Вот дела! Здесь, оказывается, зарождается немецкая бюрократия!

– Имя? – Джеймс улыбнулся. Бурцев заметил, как чуть оттопырился правый рукав брави: нож-кольтелло уже готов к бою. – Мое имя Джеммонд. Джеммонд Одноглазый.

Бурцев напрягся.

И ничего не произошло.

Ну, то есть, ни-че-го-шень-ки! Или сержант был тугодумом, каких поискать. Или напрочь забыл о знаменитом наемном убийце, прирезавшем венецианского монаха-штандартенфюрера. Или – что наиболее вероятно – эсэсовское командование не спешило информировать о подобных вещах солдат и младших офицеров цайткоманды. Немец лишь с сомнением глянул в ясные наглые очи брави. Целые и невредимые очи.

– Одноглазый? По тебе и не скажешь.

– Одноглазый-одноглазый, – заверил Джеймс. – Так уж вышло. Прозвище такое.

Эсэсовец хмыкнул:

– Ладно, пусть. Объясни своим купцам, одноглазый, что за право стоянки в порту Яффы, за торговлю на местном рынке и за провоз товара по городским улицам им надлежит заплатить пошлину...

Ух ты! Бурцев обалдел. Да, фашики тут не только бюрократию развели, но и денежки считать научились. Такими темпами освоения прошлого цайткоманда скоро выйдет на полную самоокупаемость.

Эсэсовец хмурил лоб...

– Что там у вас за товар? Шелк? Так, значит... пошлину... пошлину...

Он сосредоточенно листал блокнот, сверялся с чем-то, высчитывал и потому не сразу заметил, что из трюма, куда спустились двое, поднялся только один. С обнаженным окровавленным клинком, с встопорщенными усами.

Освальд улыбался довольно и плотноядно.

– Пошлину в размере...

Сержант-шарфюрер, наконец, узрел добжиныца. Раззявил рот, бросил блокнот с карандашом, схватился за “шмайсер”. Ан поздно! Нож бравы ударил под дых. Снизу вверх. С проворотом.

Остальные тоже действовали. Без команды. Без приказа. Но четко и слаженно.

Звякнули две тетивы на корме. Шелестнули в воздухе две стрелы. Без вскрика, без всхрипа уткнулись носами в палубу катера оба пулеметчика. Ствол “MG-42” задрался кверху. А Бурангул и дядька Адам уже повторно натягивали тетиву. А на низенький катерок береговой охраны с высокобортного парусника уже сыпалась группа захвата: сам Бурцев, Гаврила, Дмитрий и Збыслав. Джеймс тоже не остался в стороне. И Сыма Цзян. И Хабибулла. Только Освальд так и не успел принять участия в скоротечной схватке. Хотя очень спешил...

Збыславу тоже не повезло – помешал щит на борту. Литвин споткнулся, рухнул в воду. Зато остальные упали ошарашенным эсэсовцам как снег на головы. Нет, не как снег – как тяжеленные глыбы, сворачивающие к едрене фене шеи, что оказываются на пути.

Стрелы, кулаки, мечи и ножи сделали все, как надо. Сделали быстро. Выстрелов не было. Криков – тоже.

Бурцев не тратил время на драку с солдатней. Даже меч из ножен не вынул. Зато первым ввалился в рубку катера. К офицеру, что давеча орал им в рупор. Офицер тянулся к красной кнопке на панели управления. Сирена?!

Но, честное слово, лучше бы этот фриц использовал руки иначе. Ударом ноги Бурцев отбросил эсэсовца к стене. Уже сползая вниз, противник вцепился в “Вальтер”. Потащил пистолет из кобуры. Бурцев схватил гитлеровца за шиворот, крутанул, вырвав с мясом воротник и петлицу, отшвырнул немца в сторону.

Фашист приложился виском о край металлической скамьи. Хрустнуло. “Вальтер” вылетел из ослабевшей руки, мелькнул в открытой двери рубки, плюхнулся в воду. Офицер цайткоманды затих. Человеческие черепа на такие удары не рассчитаны...

Глава 16

Дерзкого и стремительного захвата патрульного катера не заметили. Ни с берега, ни с безлюдных палуб кораблей, стоящих на якоре в бухточке Яффы.

Бурцев был доволен. Они разжились вторым судном, и коггу с Ее Величеством Алисой Шампанской на борту теперь нет нужды заходить в порт. Впрочем, Бурцеву и его дружине там тоже делать нечего. Уж слишком негостеприимной оказалась эта Яффа.

– В город не пойдем, – распорядился Бурцев. – Пусть Жюль увозит отсюда королеву, а мы поплывем вдоль берега. Найдем какое-нибудь укромное местечко. Там и высадимся.

– А ты сможешь совладать с этой лодкой Хранителей? – спросил Гаврила.

– Да уж управлюсь как-нибудь, Алексич.

По сути, катер береговой охраны был всего лишь навороченной и вместительной моторкой. Разобраться с этой посудиной – куда как проще, чем с “раумботом”.

Из воды, тем временем, вытащили Збыслава. Хорошо, оруженосец пана Освальда шел на абордажную схватку без доспехов – не утоп. С когга в катер спустился и сам добжинский рыцарь. За ним – Ядвига. Алиса Шампанская предлагала полячке остаться на корабле, однако легнишко-кульмская красотка отказалась. Настаивать королева не стала. В конце концов, долгий путь во Францию – тоже приключение не из безопасных. Да и Освальд не желал надолго разлучаться с женой.

– Как же – как же, оставишь тебя, а потом Бог весть, где искать! – проворчал Освальд, но заткнулся, встретившись взглядом с Бурцевым.

Добжинец отвел глаза. Бурцев вздохнул. Все правильно... Он-то как раз и оставил свою Аделаиду наедине с отцом Бенедиктом. Теперь вот хоть все локти себе пообкусывай!

В катерок прыгнул Хабибулла. Ну да, конечно, араб ведь обещался всюду следовать за “каидом Василием-Вацлавом”. А божба Аллахом для правоверного мусульманина – это не шутка. Дружина потеснилась, освобождая место новому члену команды.

– Ну а этот-то куда лезет? – ругнулся Бурцев, когда по натянутому канату с палубы когга ловко соскользнул Жюль. – Джеймс, спроси, наш капитан случайно не ошибся кораблем?

Джеймс спросил. Жюль ответил...

– Королева велела ему сопровождать и по возможности оберегать нас, – переводил брави. – Он не только толковый моряк, но и хороший воин. К тому же капитан лично знаком с рыцарями Иерусалимского королевства, выступившими против Хранителей Гроба и тевтонских братьев. Он может оказаться полезным.

– И кто же тогда поведет корабль Ее Величества во Францию?

– Новым капитаном назначен помощник Жюля. А сам Жюль уже поклялся честью, что выполнит волю своей королевы...

Вот те на! Один клянется Аллахом, другой – честью! Бурцев поскреб затылок. И каждый при этом норовит пристать к его дружине. Этак, глядишь, обрастем по пути целой армией хвостопадов.

– Если Жюлю не будет позволено остаться на лодке Хранителей, он отправится за нами вплавь, – предупредил Джеймс, – Так он говорит.

Только этого им не хватало!

– Ладно, нехай остаетя.

В конце концов, Жюль – славный малый. Да и Ее Величество, обижать не хотелось. И без того венценосная бедняжка обижена судьбой. А то, что Алиса Шампанская отправила им в помощь верного слугу и капитана, свидетельствовало об окончательном примирении после неприятного разговора в каюте нефа.

Бурцев, Освальд, Жюль, Дмитрий и Гаврила стянули с убитых эсэсовскую форму. В крови все, а что делать – не в кольчугах же и камзолах плыть вдоль вражеского берега на катере цайткоманды. Наскоро выполоскали, переоделись. Издали следов колото-рублено-дробленых ран не видать, – и то ладно. Даже Хабибулла, Сыма Цзян, Бурангул и длинноволосая Ядвига, с внешностью которых немецкие мундиры ну никак не вязались, кое-как натянули поверх одежды песочные бриджи и рубашки. Сарацин, китаец и татарин, чуть ли не до носа опустили козырьки форменных кепи, прикрывая лица. Кульмская красавица упрятала волосы под каску, а пышную грудь под гимнастерку. Впрочем, этих четверых Бурцев сразу загнал в рубку. От греха подальше.

Трупы привязали к маленькому, но увесистому якорю, добавили для веса охапку “шмайсеров” и ящик с боеприпасами, обмотали якорной цепью, парой пустых пулеметных лент и автоматными ремнями. Сбросили в воду. Связка мертвецов и железа ушла на дно.

Из трофейного оружия, Бурцев оставил лишь “шмайсер”, пару снаряженных магазинов, ручной пулемет, да три барабанных коробки к нему. Каждая – на полсотни патронов.

Ну что ж, дело сделано. Пора было расставаться с королевской командой.

– Эй! Там же платок Дездемоны! – спохватился Гаврила.

– Оставь, Алексич, – попросил Бурцев.

– Так ведь...

– Ничего. Дездемона бы тебя не осудила. Королева направляется во Францию собирать войско в поход на немцев. А без флага ее корабль не примет ни один порт.

– А ты бы на моем месте отдал плат Аделаиды, а воевода?

Хороший вопрос. Бурцев отвечать не стал.

– Пусть бережет этот платок твоя Алиса пуще зеницы ока, – хмуро проговорил Гаврила. – И коли даст Бог свидеться, пусть вернет его в целостности и сохранности. Иначе придушу – и не посмотрю, что баба. И что королева не посмотрю.

– Вернет, – поручился Бурцев.

Хотя вряд ли их пути с Алисой Шампанской когда-нибудь вновь пересекутся. Да Гаврила и сам все понимал прекрасно.

Алиса Шампанская стояла на носу когга, утирая предательские слезы. О ком или о чем плакала Ее Величество, Бурцев старался не думать. Джеймс с Жюлем отвязывали канатные концы, а расторопные кипрские моряки под руководством нового капитана поднимали якорь.

– Ищите доблестного магистра тамлиеров Армана де Перигора и властителя Бейурата Жана д'Ибелена, сына славного Бальана II, – посоветовала Алиса Шампанская. – Это мои друзья. Они станут друзьями и вам. И да пребудет с вами Господь! Бон шанс¹⁹, мсьё Вася!

Что ж, вам того же, Ваше Величество.

– О рэвуар, мадам, – почтительно склонил голову Бурцев.

Все-таки они расставались по-доброму.

– Отомстите за свою супругу и за меня, за мое королевство и за моего несчастного сына, мсьё Вася!

Бурцев кивнул. Вошел в рубку.

Управлять сторожевиком Хранителей, в самом деле, оказалось не сложно.

Взревел двигатель катера.

Когг поймал залатанным парусом попутный ветер.

Вскоре пиратское судно с флагом Венецианской республики на мачте и с женской фигурой на носу осталось далеко позади.

¹⁹ Прим: удачи (французск.)

Глава 17

Задача патрульного катера – патрулировать морские подходы к порту. Этим они сейчас и занимались. Демонстративно, спокойно, уверенно...

Получилось. Никакой тревоги на берегу, никаких выстрелов, никакой погони. Катер беспрепятственно покинул уютную бухточку. А уж скрывшись с глаз долой, выдал все, на что был способен.

Мчались с ветерком. Гнали по водной глади так, что Ядвига повизгивала от ужаса и восторга. К берегу повернули, когда среди пустынных песчаных и каменистых пляжей замаячили скалы. Бурцев сбросил скорость, но останавливаться не стал. Направил катер в бурлящий поток прибоя.

– Вацлав! Безумец! Погубить нас хочешь?! – встревожился пан Освальд.

– Помолчи, а? – процедил Бурцев сквозь зубы, – Не болтай под руку, если жить не надо.

Добжинец заткнулся. Вся остальная команда соревновалась в скоростном чтении молитв.

А прямо по курсу – острые каменные клыки и покатые, обтесанные водой валуны. И рваные пенные клочья. Ветер был не сильный, однако в прибрежных скалах волна за малым не ревела. Да, приближаться здесь к берегу – безрассудство на грани самоубийства. И именно поэтому Бурцев вел катер сюда.

Проскочат – будет, где спрятать немецкую посудину и укрыться самим. Искать их тут фашистско-тевтонские ВМС ли станут. А станут – так лучшей позиции для обороны не придумать. Но вот если не проскочат... Что-то подсказывало Бурцеву, что вплавь тогда до берега доберутся не все. Значит, нужно проскочить.

Шли бы под парусами или на веслах, да при хорошей осадке – хрен совладали бы с бушующей стихией. Давно б расшиблись на фиг. Однако мощный движок на легоньком суденышке позволял лихо маневрировать в каменном лабиринте.

И все же... Бум! Бум! Бум! Трижды их долбануло о камни, да так, что народ едва не посыпался в воду. На правом борту появилась приличных размеров вмятина. Левый дал небольшую течь. Мелочи... Пока они держатся на плаву, все это – мелочи.

Бурцев рулил, бросая катер из стороны в сторону – в обход, в объезд, в обплыв камней. И немного вперед. И снова в сторону. И опять чуть вперед. Чуть-чуть. Таких чуть-чуть становилось все больше. Берег приближался. И наконец...

Хр-р-рмс-с-с! Катер дернулся. Люди – вповалку. А днище скрежест о камни так, что вянут уши и ноют зубы. Но это был добрый скрежет – не о хищный подводный зуб, не о коварную мель – о береговую гальку выступавшей меж скал косы. Бурцев заглушил мотор. Ну, приплыли, что ли?

Жюль прыгнул за борт первым. По пояс в воде, захлебываясь в фонтанах неистовствующего прибоя, дернул за носовой швартовочный канат. Через секунду королевскому капитану помогали Дмитрий, Гаврила и Збыслав. Дело пошло споро. Катер стащили с галечного выступа, поволокли вдоль косы. Еще пара секунд – и на борту осталась только Ядвига. Мужики – все до единого – впряглись в бурлацкую упряжку, и тут уж стихия сдалась окончательно. Даже помогла напоследок – подтолкнула вслед настырным человечкам поднадоевшую плавающую игрушку. Волна выпихнула побитый катерок к берегу и отхлынула...

Прежде, чем подоспела новая волна, Жюль дотянулся до огромной глыбы – большого куска скалы с отколотой середкой. Камень идеально подходил для швартовки, и капитан Ее Величества в два счета закрепил канат. Сам – упал, обессилен. Остальные распластались рядом. Откашливаясь, отфыркиваясь.

Жюль что-то восторженно прокричал.

– Чего ему надо? – устало поинтересовался Бурцев.

– Говорит, что ты величайший из мореплавателей и сердце твое полно отваги, – хмыкнул Джеймс.

– А-а-а, ну пусть себе говорит.

Бурцев глянул назад. Бр-р-р! Скалы, скалы, сплошные скалы... И бурлящая вода меж ними. Пройти по извилистому фарватеру смерти второй раз он, наверное, не решился бы. Потом Бурцев поднялся над камнем, посмотрел вперед. И обомлел...

На берегу между каменными завалами прихотливо извивалась узенькая тропка. И тропа эта не пустовала. Нет, эсэсовцев на ней не было. Не было и тевтонов. Но воинственный вид невесты откуда явившейся парочки Бурцеву тоже не очень понравился.

Да уж, парочка... Всадник на рослом пепельно-сером коняге. Судя по вооружению – рыцарь не из бедных. Кольчуга добротная – двойного плетения, длинная, с рукавами и подолом. С крепким нагрудником. Лицо закрыто горшкообразным шлемом. Правда, не с привычно плоской, а с округлой верхушкой. И нижняя часть шлема, явно, подвижна. Забрало, что ли? Любопытная новинка для этих времен...

На шлеме отсутствовали устрашающие рога, декоративные крылья деревянные ладони и прочие привычные Бурцеву рыцарские навороты. Зато имелся трогательный такой ободок-венчик. Бурлет – нашеломный обруч из плетеного конского волоса, перевитый шелковыми нитями, удерживал поверх металла длинную белую тряпицу, ниспадающую на плечи и спину воина. Ламбрекен или намёт – так именовалась эта накидка, похожая одновременно и на арабскую кувфу, и на свадебную фату. О предназначении намета гадать не приходилось. Защищать упакованные в железо мозги рыцаря от перегрева под жарким палестинским солнцем – вот оно, его предназначение.

В левой руке всадник держал треугольный, с округлыми краями щит без герба. В правой – меч. Уже извлеченный из ножен, между прочим.

Не так уж чтоб очень гармонично смотрелся подле конного европейского рыцаря здоровенный одnogорбый верблюд-дромадер. Массивное тело грязно-песочного цвета возвышалось на тонюсеньких, но жилистых и крепких ногах. С выгнутой шеи взирала надменная морда пожизненного пофигиста. К мохнатому горбу тремя упорами – спереди и по бокам жестко крепилась нехитрая конструкция. Широкая, прочная и при этом легкая плетеная станина выступала вперед, а на станине той... Бурцев сморгнул пару раз. Заряженный самострел-аркабалиста нависал над головой животного. Вместо стрелы – округлая пулька: то ли железный, то ли свинцовый шарик.

Седло стрелка служило своеобразным противовесом и было смещено чуть назад. В седле замер араб, обмотанным в светлую ткань с ног до головы, отчего сарацин напоминал чересчур упитанную мумию. Только глаза и поблескивали меж тряпичных полос. Недобро так поблескивали.

Глава 18

А из-за камней к этим двоим подтягивались все новые и новые наездники. На лошадях, на верблюдах... Большой частью – арабы, но кое-где мелькало и европейское вооружение. Наверху, в скалах, появились лучники и арбалетчики, что было совсем уж паршиво.

Бурцев не шевелился. Вернуться на катер, где осталось все их оружие, теперь не представлялось возможным. Выйдешь из-за укрытия – неминуемо подставишься под стрелу.

– Сидеть тихо, мы тут не одни, – одними губами произнес он.

Дружина напряглась.

Стрелок на верблюде спустил тетиву.

Метательный снарядик с отвратительным свистом пронесся над ухом Бурцева и звонко вдарил в катер. Прилично так долбанул: в борту появилась пробоина.словно из крупного калибра бабахнули. Одиночным. От такой пульки никакой доспех не спасет!

Падая за спасительный валун, Бурцев отметил, что “мумия” на верблюде уперлась ногами в рога аркабалисты и, не слезая с горба, перезаряжает убойное оружие.

– Я помогу! Сейчас!

В катере – за иллюминатором рубки – мелькнуло лицо Ядвиги. Лицо и руки. В руках полячки – “шмайсер”. Чего она там задумала? На подвиги рыжую потянуло? Вспомнила, блин, новгородские занятия по стрелковому делу?!

– Ядвига, прячься! – дико заорал Освальд.

Спрятаться ее заставил не крик пана, а камень, пущенный из пращи. Ядвига убрала голову за долю секунды до того, как бульжник разнес вдребезги стекло иллюминатора. В разбитый проем тут же влетела стрела. Другая...

Еще парочка вонзилась в палубу. Следующие три – чиркнули о гальку между катером и валуном, за которым залегла безоружная дружина. Нападавшие давали понять, что высовываться не следует. Никому.

Ядвига и не высовывалась. Выставив только ствол немецкого пистолета-пулемета дала очередь через иллюминатор. Вслепую. В небеса над Святой Землей.

Если полячка рассчитывала напугать противника, то это ей не удалось. Ребятки на лошадях и верблюдах, в отличие от пиратов, видимо, не в первый раз слышали “шмайсеровский” стрекот. Привычные – ё-моё! – обстрелянные... А потому и действовали смелее, решительнее. Не побежали, сломя голову, а дали ответный залп.

В считанные секунды стрелы утыкали катерок. Над валуном тоже свистело – головы не поднять. Стукнул о гальку и отскочил в сторону еще один увесистый пращевой снаряд. Еще два или три оперенных древка со стальными жалами влетели в иллюминатор. Вторая пулька из нагорбного супер-арбалета ударила в рубку. Брони на катерке не было, так что маленький кругленький шарик прошил ее легко. Может быть, даже насквозь.

– Ядвига, отставь! Лежи тихо и не дергайся! – выкрикнул Бурцев.

Пока еще не поздно. Пока еще есть надежда, что девчонка жива...

На катере стало тихо. На катере не дергались, не стреляли. Или полячка вняла совету, или затихла совсем по другой причине.

– Да я их! – ярился, брызжа слюной и слезами, Освальд. – Я их всех! Без меча! Да за Ядвигу я их голыми руками!

Гаврила, Дмитрий и Збыслав навалились на рыцаря. Уткнули мордой в мокрую гальку, втроем удерживая добжинуца от бессмысленной смерти.

– Кто там?! – Джеймс тряхнул Бурцева. – Ты успел разглядеть?

– Кто-кто... верблюд в пальто! Рыцари какие-то и целая толпа горячих ребят вроде нашего Хабибуллы.

- Сарацины?
- Да уж, наверное, не эскимосы!
- Не кто?
- Отстань, а брави? Дай подумать, что делать.

Один отстал – другой пристал. Теперь уже Хабибулла, услышав свое имя, наседали с расспросами.

- Василий-Вацлав, кто? Кто это? – требовал Хабибулла по-татарски.
- Дружки твои, – буркнул Бурцев. – Сарацины. Ты это... спроси, чего им от нас надо.

Массированный обстрел из луков, арбалетов, пращи и самострела-шарикомета, тем временем, прекратился. Послышались воинственные крики, топот копыт. Лошади и верблюды противника приближались к валуну-укрытию. Начиналась атака...

- Айза э?!²⁰ – заорал из-за камня Хабибулла.

Наверное, услышать арабскую речь от людей с немецкого катера здесь никак не ожидали. Крики и топот стихли. Хабибулле ответили.

- Мэ хэза?!²¹ – расслышал Бурцев.

– Эсми Хабибулла ибн Мохаммед ибн Рашид ибн Усама ибн... – громко и торжественно затянул араб.

Когда он, наконец, закончил, воцарилась тишина. Только море за спиной по-прежнему шумливо боролось со скалами. Да совсем-совсем близко всхрапывали кони. И топтались верблюды.

- Валлахи?²² – недоверчиво поинтересовался кто-то из нападавших.
- Валлахи! – Хабибулла бесстрашно поднялся над камнем.

Стрелы в него не летели. Камни и убийственные шарики – тоже. И грозных воинственных кличей больше не звучало. Зато воздух содрогнулся от радостного вопля.

Елки-палки! Похоже, Хабибулла ибн... ибн... ибн... в этой буйной компании – свой человек.

²⁰ Прим: Что вы хотите?! (арабск.)

²¹ Прим: Кто это?! (арабск.)

²² Прим: Правда? (арабск.)

Глава 19

Полный триумф! Причальный камень, до сих пор служивший им укрытием и имевший неплохие шансы стать надгробием, обратился в трибуну. Хабибулла стоял на валуне в позе кандидата, победившего, как минимум, на президентских выборах. Бородатое лицо со шрамом – воплощение харизмы, обе руки воздеты над толпой. И разрубленная эсэсовская рубашка с нацистским орлом на груди... Да уж, картинка!

Шумливые соплеменники обступили араба тесным кольцом. Хабибулла говорил со всеми сразу и с каждым в отдельности.

Освальд обнимал Ядвигу – целую, невредимую. Это было похоже на чудо: снарядик, сарацинской аркабаллисты, влетевший в рубку катера, шарахнул по “шмайсеру”. В результате пистолет-пулемет превратился в бесполезную железяку, а державшая оружие кульмская красавица, отделалась легким испугом. Бывает... Бурцев молча чесал в затылке. Дружинники хлопали глазами, недоуменно озираясь вокруг. Ну, разве что Сыма Цзян не хлопал. Китаец кивал каждому встречному-поперечному и твердил без умолку:

– Саляма-алекума, саляма-алекума...

Странно, но арабы ему отвечали. Как положено – “Аллейкум ассалам”.

С полсотни европейских рыцарей, незнамо как затесавшихся в сарацинскую рать, тоже, кажется, не совсем понимали сути происходящего и не спешили прятать клинки. Обстановка, впрочем, разрядилась, как только предводитель рыцарского отряда – давешний всадник в шлеме с забралом и “фатой”-намётом – разглядел в общей суматохе Жюля.

“Фата” дернулась, “невеста” бросила меч в ножны, направила коня к капитану Алисы Шампанской.

– Бонжур, Жюль! – глухо рокотнуло из-под шлема.

Морской волк удивленно поднял глаза.

– Бонжур, мсьё... мсьё...

“Невеста” откинула забрало, явив заросшую, мясистую и покрасневшую физиономию. Лицо изжаривающегося заживо человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.